

СОЛДАТСКИЙ СЕКРЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

СОЛДАТСКИЙ СЕКРЕТ

РАССКАЗЫ

ХУДОЖНИК Н. БАЙРАКОВ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1989

ББК 84Р7

С 60

К читателям

**Отзывы об этой книге присылайте по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.**

**С 60 Солдатский секрет: Рассказы/Худож. Н. Бай-
раков.—М.: Дет. лит., 1989.—159 с.: ил.**

ISBN 5-08-000472-x

В книгу входят рассказы о Советской Армии.

**С 4803010201-357 Без объявл.
M101(03)-89**

ББК 84Р7

ISBN 5-08-000472-x

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

Сергей Баруздин

ШЁЛ ПО УЛИЦЕ СОЛДАТ

Это рассказ о герое. О необыкновенном герое. О человеке, который прошёл тысячу трудных боёв и вышел из них победителем. О человеке, который сто раз погибал и не погиб. О человеке, который защищал и сейчас защищает нашу страну от врагов.

Это рассказ о твоих дедах и отцах. Они были солдатами-героями.

Сколько сейчас тебе? Пять, семь, а может быть, даже девять? Это, конечно, немало. Но стране нашей всё же больше. И армии

нашей больше. Значит, и рассказ этот надо начать с тех времён, когда тебя ещё на свете не было...

День рождения красного солдата

Шёл по улице солдат. С виду и не солдат совсем. Ни шинели на нём, ни шапки с красной звездой. Рабочая телогрейка, сапоги да кепка. Просто рабочий. Но за спиной у него винтовка со штыком. И рядом с ним шли такие же рабочие с оружием и моряки с крейсера «Аврора».

Шёл солдат по петроградским улицам, по набережной Невы. Шёл к царскому Зимнему дворцу. Там — белые! Враги! Впереди — враги. На соседней улице — враги, за углом каждого дома — враги. На набережной Зимней канавки — враги. Дворец всё ближе и ближе.

Отряд рабочих и моряков подходил к Зимнему дворцу. И не только этот отряд. Со всех сторон окружали дворец красные: революционные рабочие, солдаты, матросы.

Но вот прозвучал выстрел. Это пушки революционного крейсера «Аврора».

— Вперёд! — крикнул солдат.

Бросились люди на штурм Зимнего дворца. До глубокой ночи шёл тяжёлый бой.

И вот — победа! Зимний дворец взят!

А на рассвете следующего дня солдат стоял уже у дверей Смольного — штаба революции.

В Смольном выступал Владимир Ильич Ленин.

Во дворе Смольного горели костры. Стояло холодное октябрьское утро. Отряды революционных бойцов уходили на бой с недобитым врагом.

— Дяденька, а вы кто — белый или красный?

Перед солдатом появились двое мальчишек — оба маленькие, в одинаковых картузах и одеты кое-как.

Обиделся солдат:

— Почему же белый? Красногвардеец я. Не видите?

— А как увидишь? — сказал один мальчишка.

— И формы на вас, дяденька, нет. И красного ничего нет! — сказал другой. — Как узнать?

— Будет и форма! Да ещё с красной звездой! И ружьишко получше будет! — пообещал солдат.

Вдруг оба мальчишки попросили:

— Нам бы в Красную гвардию записаться! А-а? Дяденька! Запишите нас!

— Э, чего захотели! — сказал солдат. Потом смягчился — вспомнил: скоро у него такой сынишка будет. — Малы ещё! Подрастёте — запишем!

Домой!

Шёл по улице солдат. Домой возвращался с долгой гражданской войны.

Шинель на солдате потёртая, пулями и осколками пробитая. На голове будёновка с большой красной звездой. Будёновка тоже пулей пробита — память о ранении на фронте.

По заснеженной зимней улице шёл солдат. А улица разбита. Столбы перевёрнуты. Провода разорваны. Трамваи лежат вверх колёсами. Рельсы покорёжены. Окна в домах фанерой и досками забиты. Холод. Голод.

Трудно жилось людям. Но и красному солдату нелегко в эти годы пришлось. Враги

хотели уничтожить Советскую власть. Солдату пришлось с ними воевать.

Под Псковом и Нарвой воевал красный солдат. На севере и на юге сражался. На Волге и на Урале. На Дальнем Востоке и в песках Средней Азии. Всюду наседали белые, да всюду отбивал их красный солдат. И победил!

Потому и улыбался, когда с войны шёл. И ещё потому, что домой шагал. Дома — жена и сынишка. Когда на гражданскую уходил, сынишке год исполнился. А сейчас...

Пришёл домой солдат, а сын и не узнал отца. Четыре года не был солдат дома! Четыре года, а сыну — пять!

— Ты кто? — спросил сын солдата.

— Папка я твой! Отец! — сказал солдат.

— Нет, ты кто?

— Красноармеец, — ответил солдат.

— А как ты воевал?

— Ну как, сынок, воевал? Из винтовки по врагам стрелял и из пулемёта. Конником был и на бронепоезде ездил. С моряками в бой ходил и с партизанами. А как-то раз... Как-то раз танк мы в бою захватили, английский. Так и в танке том я ездил, против беляков воевал...

— А Чапаева ты видел? — спросил сын.

— Видел, — ответил солдат. — Вместе с ним воевал. А ещё вместе с Фрунзе и Блюхером...

Кажется, теперь признал сын отца.

— А ты счастливый, папка! — И тут же спросил: — А завтра ты что будешь делать?

— Завтра, сынок, работать пойду,— сказал солдат.— Много дел у нас. Всё, что врагом разрушено, восстанавливать надо. Новое строить надо. И новую жизнь.

Граница рядом!

Шёл по улице солдат. По песчаной улице приграничного военного городка.

Шёл солдат не один. Шёл вместе с сыном. Большой сын — пионер, тринадцать лет. К отцу приехал на каникулы.

Мимо проскакал отряд конников. Прошёл наряд пограничников; впереди — огромная серая овчарка.

— Наш Рекс,— сказал солдат.— Молодец! Двадцать нарушителей на его счету!

— Мы тоже воспитываем для пограничников служебных собак! — похвалился сын.

— Найдётся дело и для ваших воспитанников.

А вокруг цвели яблони и вишни. Пчёлы и бабочки кружили над цветами. И звонко пели птицы в садах.

— Хорошо,— сказал сын.

— Граница рядом,— сказал солдат.

На футбольном поле свободные от наряда пограничники гоняли мяч. На кольцах и на турнике занимались.

Из лесу вылетела сорока, шарахнулась в сторону от футболистов и вдруг спокой-

но, как ни в чём не бывало, села у колодца.

Пить сорока захотела. Опустила клюв в лужу — попила. Опять опустила — ещё попила. Потом взмахнула крыльями и обратно в лес полетела. А там, в лесу, танки стояли и бронемашины. На опушке леса расположились артиллеристы. Но сорока их не боялась. Видно, привыкла.

Вдали камыши, а за ними река. Неширокая, спокойная, вода на солнце блестит. По реке и проходит граница. Этот берег наш, а другой — не наш, чужой.

— Тихо, — сказал сын.

— Граница рядом, — опять повторил отец.

Попрощались они:

— Ну, мне пора на заставу! До вечера!

— До вечера!

Ушёл солдат на заставу. Застава рядом. Рядом граница.

На берегу реки замерли в кустах пограничники. Замер солдат. Смотрит в бинокль на камыши, на близкий чужой берег.

Граница рядом!

Две медали

Шёл по улице солдат. Форма на нём ладная и сам ладный. Ни дать ни взять — герой! Какой мальчишка случай упустит, чтобы на такого солдата не посмотреть! Да ещё с медалями! Да

ещё с двумя! В ту пору не часто человека с наградами встретишь.

— А эта за что?..— забегая вперёд, спрашивал один мальчишка.

— Не «эта», а «За отвагу»,— перебил его второй.— Не знаешь!

Третий молчал, но всё норовил поближе к солдату подбежать.

— Эта,— объяснял солдат,— за бои на озере Хасан. Слыхали про такие?

— Ещё бы не слыхали! Слыхали!— закричали ребята.

В те годы все мальчишки бредили Хасаном.

— Так вот за это,— продолжал солдат.— Японцы на нас там напали. Ну, а мы японцев, конечно, привели в чувство. Побили, в общем.

— А эта?— не унимались мальчишки.— «За боевые заслуги»?

— «За боевые заслуги»,— подтвердил солдат.— Эта— за бои на Карельском перешейке. Трудная была эта война. Морозы лютовали. Зима стояла холодная. Да только нипочём она нашему солдату. Мы победили.

— Здорово!— сказали ребята.

— А это разве не здорово?— спросил солдат и в сторону глазами показал.

Как раз в это время по улице воинская часть проходила. Шли по мостовой, чеканя шаг, такие же ладные солдаты. На головах каски с красными звёздами. Гимнастёрки перетянуты

португепями. За спиной винтовки. Сапоги блестят.

— Верно, здорово! — согласились мальчишки.

За Родину!

Шёл по улице солдат. Июньским солнечным днём шёл. Днём беспокойным, тревожным.

Началась война, какой ещё не было прежде. Война с фашистами.

Шёл солдат по своей родной земле. За ним была страна — самая огромная и великая. С ним был народ — самый сильный. Значит, победит солдат фашистов. Победит он, советский солдат!

Победит! Но труден и долог этот путь. Под Брестом и у Москвы будет солдат громить фашистские войска. Под Минском, Смоленском и маленькой Ельней. У Харькова и Ростова будет насмерть стоять солдат. На Волге и на Кавказе, под Ленинградом и Одессой, под Севастополем и Киевом, под Новороссийском и Керчью.

За всё это он когда-то потом получит медали: «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и многие другие, если он, конечно, останется жив, не погибнет в боях с немецко-фашистскими захватчиками...

Но пока он жив.

И побеждает в каждом смертном бою.
— За Родину! — кричит солдат и идёт в бой.
Идёт в бой пехота — стрелки, автоматчики,
пулемётчики, снайперы...

— За Родину!

Идут в бой артиллеристы. Бьют по врагу из
миномётов и лёгких пушек, из тяжёлых гаубиц
и «катюш».

— За Родину!

По рекам и морям уходят в бой корабли:

линкоры, крейсера, миноносцы, подводные лодки, торпедные катера и даже простые мирные судёнышки,— и на них идут на врага военные моряки.

— За Родину!

Взмывают в небо самолёты — истребители, бомбардировщики, разведчики.

И даже на земле, занятой фашистами, слышится клич:

— За Родину!

Это идут сражаться с врагом лесные солдаты — партизаны.

Идёт солдат в бой за Родину. Может, это тот солдат, что Зимний брал, в гражданскую войну страну свою отстоял, родную землю на Хасане защищал... Может, и не тот. Или сын его, который тоже стал солдатом.

И деды, и отцы, и матери, и сыновья, и внуки шли теперь в бой.

— За Родину!

Слава!

Шёл по улице солдат. Усталый и довольный. Сколько лет солдат на свете прожил, сколько боёв прошёл, а такого дня ещё не было в его жизни, чтоб Первомайский праздник в Берлине встречать. И вот — Первое мая в Берлине. Победил солдат фашистов. Победителем пришёл в Берлин!

Шёл по улицам Берлина солдат.

— Слава советскому солдату! — говорили жители Берлина.

А когда ушёл солдат из далёкого города домой, поставили ему памятник. С девочкой на плече, с мечом в руке. Чтоб всегда помнили люди, кто спас землю от фашистов.

Где только нет памятников нашему солдату! В Германии и Польше, в Румынии и Венгрии, Болгарии и Чехословакии, в Австрии и Норвегии, Югославии, Корее и Китае — всюду, где бывал, сражался и побеждал наш солдат.

Шёл по улице солдат. Вернулся на Родину солдат. Домой вернулся. По своей московской улице шёл солдат на Красную площадь. У Мавзолея Ленина бросил он на брусчатку взятые в грозных боях фашистские знамёна.

— Слава тебе, родной! — говорили москвичи.

И стали качать солдата:

— Слава! Слава! Слава!

Точно в цель!

Шёл по улице солдат. Совсем молодой солдат, а на груди у него боевой орден.

Откуда орден, когда солдат на войне не был? Да и не мог он быть на войне. Война уже кончалась, а солдат ещё на свет не родился.

И вот сейчас, в мирное время, получил молодой солдат боевой орден. За что?

А было так.

Высоко в небе летел самолёт. Так высоко, что с земли не увидишь, не услышишь.

Самолёт не наш — чужой, из далёкой страны. Заокеанской.

Приказали лётчику: незаметно пролететь над Советским Союзом и рассекретить наши военные тайны.

Где какой завод у нас стоит — сфотографировать.

Где какие военные аэродромы есть — сфотографировать.

Не виден был чужой самолёт с земли, да только наши славные зенитчики по приборам его обнаружили. Где летит, на какой высоте, даже марку самолёта определили точно.

— По местам! — раздалась команда.

Заняли ракетчики свои места. Направили ракету на невидимую цель.

Доложили:

— Готово!

Ещё команда. Взрыв!

Пошла ракета высоко в небо, оставляя за собой хвост дыма.

Минута, другая, а ракета уже цель нашла. Загорелся самолёт.

А лётчик на парашюте выбросился и долго ещё удивлялся потом, как это его на такой высоте обнаружили и сбили.

А зенитчикам нашим, ракетчикам, ордена дали за точное попадание.

И самому молодому солдату тоже.

Страшный клад

Шёл по улице солдат. По улице большого города. Строился город. Десятки новых домов уже заселены и обжиты. Ребята возле них играли, магазины работали, школы. А рядом новая стройка шла. Шумели бульдозеры и экскаваторы: готовили площадки для новых домов.

В годы войны фашисты весь город разрушили. А теперь вырос город — новый, светлый, молодой, лучше, чем прежде был. Радовался солдат: хороший город!

— Эй, братишка! — кто-то окликнул солдата.

Оглянулся солдат — экскаваторщик, молодой парень, который траншеею для водопровода копал, зовёт.

Подбежал солдат.

— Смотри! — сказал экскаваторщик.

Посмотрел солдат в траншею, а там, чуть присыпанные землёй, лежали поржавевшие и заплесневелые мины и снаряды. Много мин и снарядов!

Это фашисты во время войны, отступая из города, оставили под землёй страшный клад — тысячи мин и снарядов. Взорвутся они — и взлетят в воздух новые дома, школы, детские сады. Погибнут люди. Страшно!

— Не бойся! — сказал солдат экскаваторщику. — Подожди, я сейчас своих товарищей позову. Не должно беды быть!

Позвал он своих товарищей — минёров.

Чтобы не случилось беды, переселили всех жителей в безопасное место. А когда вокруг никого не осталось, стали осторожно мины и снаряды из земли вынимать и на руках относить их далеко от города в чистое поле. Там одну мину взрвали. И другую. Снаряд и ещё сто таких же снарядов. И вновь в траншею, и вновь осторожно со снарядом в руках на далёкое поле. Двести десятый снаряд. Сто первая мина. Тысяча второй снаряд. Две тысячи седьмая мина. Один за другим солдаты взрвали снаряды. Одну за другой взрвали мины. Наконец всё взрвали. Миновала беда!

Через несколько дней вернулись жители в свои квартиры. Школы открылись. Магазины

заработали. Дети стали опять играть возле новых домов — куличи из песка лепить и в салки гонять.

— Можете жить спокойно! — сказал солдат. — Теперь ничто вам не грозит. Фашистский клад полностью уничтожен!

В стране друзей

Шёл по улице солдат. По незнакомой улице незнакомого города. Рядом с городом — горы. Сюда, в соседнюю страну, пришла беда — землетрясение. Разрушило землетрясение целый город. Люди погибли под развалинами домов. Многих не смогли разыскать. А тем, кто остался в живых, нужны новые дома. Друзья позвали нашего солдата.

Пришёл на помощь жителям пострадавшего города советский солдат. Развалины помог расчистить. Людей пострадавших спасти. Новое жильё построить, дороги, мосты... Да мало ли дел было у солдата!

Шёл по улице солдат. По улице страны друзей. Он всегда спешит на помощь к друзьям. Когда нужно. Если приходит беда.

Так бывает всегда.

Боевое содружество

Шёл по улице солдат. Советский солдат. А рядом с ним ещё один — болгарский. И польский. И чехословацкий. И румынский. И вен-

герский. И солдат армии Германской Демократической Республики.

Недавно закончились их учения. Учения солдат дружеских армий. Учения солдат дружеских стран.

Солдаты должны помогать друг другу. Солдаты должны уметь защищать свои народы и их спокойную, мирную жизнь.

Успешно, отлично прошли учения. Пехотинцы и ракетчики, танкисты и лётчики, артиллеристы и моряки участвовали в них. И сдали экзамен на боевую выучку, на дисциплину, на умение действовать совместно.

А когда закончились учения, неожиданно разразилась гроза. Ударил молния в скотный двор на окраине большого села. Загорелись фермы, огонь перебросился на соседние дома, а рядом школа, детский сад, больница.

Не растерялся советский солдат. Не растерялся болгарский. И польский, и чехословацкий, и румынский, и венгерский. И солдат ГДР.

Вывели они маленьких ребят из детского сада. Людей из соседних домов вывели в безопасное место. Вывели скот из ферм.

Дружно навалились солдаты на бушевавший огонь. Двадцати минут не прошло — потушили солдаты пожар.

Довольны жители, и солдаты довольны.

— Спасибо вам, братья! — говорили люди друзьям-солдатам. И добавляют: — Братушки!

Счастливые идут по улице солдаты. На учениях не ударили в грязь лицом и доброе дело сделали — пожар потушили.

Идут солдаты по улицам болгарского села.

Идут и ещё не знают, что ждут их высокие награды за мирный подвиг.

Нет силы сильнее!

Шёл по улице солдат. Обычный солдат. Необычный солдат! Обычный — потому что он такой же, как все его товарищи-солдаты. Гимнастёрка зелёного, защитного, цвета. Пилотка с красной звёздочкой. Начищенные до блеска сапоги. И ещё значок отличного воина. И медали — боевые и мирные, юбилейные, полученные в наше время.

Шёл по улице солдат. Обычный и необычный. А необычный — потому что он солдат героической Советской Армии.

Много силы у солдата.

Где-то стоят в лесах ракетные установки. Ракеты разные: малые, средние и большие.

Если нужно, они и по врагу ударят — за многие тысячи километров попадут ракеты в цель.

Где-то скрыты аэродромы. Вертолёты на них стоят. Тяжёлые вертолёты, которые могут подняться в воздух с людьми, пушками и даже танками. И самолёты. Тяжёлые и быстрые самолёты с могучим оружием на борту.

Где-то стоят неуязвимые танки и самоход-

ные орудия, броневики и миномётные установки. Дай приказ — они пойдут в дело!

Где-то в морях и океанах стоят на рейдах быстроходные корабли и неуловимые подводные лодки, которые, если потребуется, незаметно доплывут хоть до края земли — где бы ни появился враг.

Много сил у солдата.

И ещё есть одна, самая главная сила. Эта сила — наш народ, наша Советская страна.

— Нет силы сильнее! — говорит солдат о нашей армии.

— Нет силы сильнее, чем наша сила! — говорит о солдате народ.

И враги знают об этом. Знают и не решаются напасть на Страну Советов — на нашу страну. И на страны наших друзей.

Когда пройдёт немного лет

Шёл по улице солдат. Знакомый солдат. Где мы его видели? Кажется, он похож на того солдата, что брал Зимний дворец в семнадцатом году. И на того, что с победой пришёл после гражданской войны в году двадцать втором. И на солдата, который в тридцатом году защищал наши границы. А ещё на солдата, защищавшего нашу Родину на Хасане в тридцать восьмом и на Карельском перешейке в тридцать девятом и сороковом. И уж конечно, он похож на героического солдата Великой Отечествен-

ной войны. На того, кто победил фашистскую Германию и разгромил фашистскую Японию. На того, кто освободил народы Европы и Азии от фашистского рабства. И на молодых солдат-ракетчиков, солдат-защитников, солдат, которые приходят на помощь своим друзьям, тоже похож.

Да, он похож на твоих дедов, отцов, старших братьев. И всё же...

Шёл по улице солдат. Это — ты.

Пройдёт немного лет — для кого десять, для кого двенадцать, для кого чуть больше, и ты станешь солдатом. Не для того, чтобы нападать на другие страны, а для того, чтобы защищать свою страну.

Ты станешь солдатом.

Ты станешь солдатом героической Советской Армии!

Ты станешь солдатом Советской страны!

Ты станешь солдатом великого советского народа!

Юрий Коваль

АЛЫЙ

Приехал на границу молодой боец по фамилии Кошкин. Был он парень румяный и весёлый.

Командир спросил:

— Как фамилия?

— Ёлки-палки, фамилия-то моя Кошкин,— сказал Кошкин.

— А при чём здесь — ёлки-палки? — спросил командир и потом добавил: — Отвечай ясно и толково, и никаких ёлок-палок. Вот что, Кошкин,— продолжал командир,— собак любишь?

— Товарищ капитан! — отвечал Кошкин. — Скажу ясно и толково: я собак люблю не очень. Они меня кусают.

— Любишь не любишь, а поедешь ты, Кошкин, учиться в школу собачьих инструкторов.

Приехал Кошкин в школу собачьих инструкторов.

По-настоящему она называется так: школа инструкторов службы собак.

Старший инструктор сказал Кошкину:

— Вот тебе щенок. Из этого щенка нужно сделать настоящую собаку.

— Чтоб кусалась? — спросил Кошкин.

Старший инструктор строго посмотрел на Кошкина и сказал:

— Да.

Кошкин осмотрел щенка. Щенок был небольшой, уши его пока ещё не торчали. Они висели, переломившись пополам. Видно, щенок только ещё начал прислушиваться к тому, что происходит на белом свете.

— Придумай ему имя, — сказал старший инструктор. — В этом году мы всех собак называем на букву «А» — Абрек, Акбар, Артур, Аршин и так далее. Понял?

— Понял, — ответил Кошкин.

Но по правде говоря, он ничего не понял. Тогда ему объяснили, что пограничники каж-

дый год называют собак с какой-то одной буквы. Поэтому стоит сказать, как зовут собаку, и ты узнаешь, сколько ей лет и в каком году она родилась.

«Ну и ну! — подумал Кошкин. — Здорово придумано!»

Кошкин взял щенка под мышку и понёс его в казарму. Там он опустил его на пол, и первым делом щенок устроил большую лужу.

— Ну и щенок на букву «А»! — сказал Кошкин. — С тобой не соскучишься.

Щенок, понятное дело, ничего на это не ответил. Но после того как Кошкин потыкал его носом в лужу, кое-что намотал на ус.

Вытерев нос щенку специальной тряпкой, Кошкин стал думать: «Как же назвать этого лоботряса? На букву «А», значит... Арбуз? Не годится. Агурец? Нет, постой, «огурец» — на букву «О»...

— Ну и задал ты мне задачу! — сказал Кошкин щенку.

Кошкин долго перебирал в уме все слова, какие знал на букву «А».

Наконец он придумал ему имя и даже засмеялся от удовольствия. Имя получилось такое — Алый.

— Почему Алый? — удивлялись пограничники. — Он серый весь, даже чёрный.

— Погодите, погодите,— отвечал Кошкин.— Вот он высунет язык — сразу поймёте, почему он Алый.

Стал Кошкин учить Алого. А старший инструктор учил Кошкина, как учить Алого. Только ничего у них не выходило.

Бросит Кошкин палку и кричит:

— Апорт!

Это значит: принеси.

А Алый лежит и не думает бегать за палкой. Алый так рассуждает: «Стану я бегать за какой-то палкой! Если б ты мне бросил кость или хотя бы кусок колбасы — понятно, я бы побежал. А так, ёлки-палки, я лучше полежу».

Словом, Алый был лентяй.

Старший инструктор говорил Кошкину:

— Будьте упорней в достижении своих целей.

И Кошкин был упорен.

— Что ж ты лежишь, голубчик? — говорил он Алому.— Принеси палочку.

Алый ничего не отвечал, а про себя хитро думал: «Что я, балбес, что ли? За палочкой бегать! Ты мне кость брось».

Но кости у Кошкина не было. Он снова кидал палку и уговаривал Алого:

— Цветочек ты мой аленький, лоботрястик ты мой! Принесёшь, ёлки-палки, палку или нет?!

Но Алый тогда поднимался и бежал в другую сторону, а Кошкин бежал за ним.

— Смотри, Алый,— грозился Кошкин,—хвост отвинчу!

Но Алый бежал всё быстрее и быстрее, а Кошкин никак не мог его догнать. Он бежал сзади и грозил Алому кулаком. Но ни разу он не ударил Алого. Кошкин знал, что собак бить — дело последнее.

Прошло несколько месяцев, и Алый подрос. Он стал кое-что понимать. Он понимал, например, что Кошкин — это Кошкин, мужик хороший, который кулаком только грозитя. Теперь уж, когда Кошкин бросал палку, Алый так рассуждал: «Хоть это и не кость, а просто палка, ладно уж — принесу».

Он бежал за палкой и приносил её Кошкину. И Кошкин радовался.

— Алый,— говорил он,— ты молодец. Вот получу из дому посылку — дам тебе кусок колбаски: пожуёшь.

А Алый ничего не говорил, но так думал: «Что-то твои посылки, товарищ Кошкин, долго идут. Пока они дойдут, можно с голодухи ноги протянуть».

Но всё же протягивать ноги Алый не собирался. Всех собак кормили хорошо, а Кошкин даже ходил на кухню кланчить кости.

И будьте спокойны, Алый эти кости обгладывал моментально.

Вскоре Алый вырос и стал совсем хоро-

шо слушаться Кошкина, потому что он полюбил Кошкина. И Кошкин Алого очень полюбил.

Когда Кошкин получал из дому посылку, он, конечно, делился, давал чего-нибудь и Алому пожевать.

Алый посылки ниоткуда не получал, но думал так: «Если б я получил посылку, я бы тебе, Кошкин, тоже отвалил бы чего-нибудь повкуснее».

В общем, жили они душа в душу и любили друг друга всё сильнее и сильнее. А это, что ни говорите, редко бывает.

Старший инструктор частенько говорил Кошкину:

— Кошкин! Ты должен воспитать такую собаку, чтоб и под воду и под воеводу!

Кошкин плохо представлял себе, как Алый будет подлезать под воеводу, но у старшего инструктора была такая пословица, и с ней приходилось считаться.

Целыми днями, с утра и до вечера, Кошкин учил Алого. Конечно, Алый быстро понял, что значит «сидеть», «лежать», «к ноге» и «вперёд».

Как-то Кошкин дал ему понюхать драную тряпку. Тряпка как тряпка. Ничего особенного.

Но Кошкин настойчиво совал её Алому под нос. Делать было вроде особенно нечего, поэтому Алый нюхал тряпку и нанюхался до одурения. Потом Кошкин тряпку убрал, а сам куда-то ушёл и вернулся только часа через два.

— Пошли,— сказал он Алому.

И они пошли во двор.

Там, во дворе, стояли какие-то люди, закутанные в толстые балахоны. Они стояли спокойно, руками не махали и только смотрели на Алого во все глаза. И вдруг волной хлестнул запах от одного из них: Алый зарычал и бросился к этому человеку, потому что так точно пахла тряпка, какую давал ему Кошкин.

— Ну что ж,— сказал старший инструктор, который стоял неподалёку,— с чутьём у Алого всё в порядке, но это ещё не самое главное.

Однажды Кошкин посадил Алого в пограничную машину «ГАЗ-69». В машине их уже ожидал старший инструктор. Алый сразу же хотел укусить старшего инструктора, но Кошкин сказал ему:

— Сидеть!

«Я, конечно, могу укусить и сидя,— подумал Алый,— но вижу, ёлки-палки, что этого делать не следует».

Машина немного потряслась на просёлочной дороге и остановилась у леса.

Кошкин и Алый выпрыгнули из кабинки, а следом — старший инструктор. Он сказал:

— Товарищ Кошкин! Нарушена государственная граница СССР. Ваша задача: задержать нарушителя!

— Есть задержать нарушителя! — ответил Кошкин как полагается. Потом он погладил Алого и сказал: — Ищи!

Кого искать, Алый сразу не понял. Он просто побежал по опушке леса, а Кошкин — за ним, а старший инструктор — за Кошкиным. Одной рукой Кошкин держал Алого на поводке, другой — придерживал автомат.

Алый пробежал немного вправо, потом немного влево и тут почувствовал запах — чужой и неприятный. Ого! Здесь прошёл человек! Трава, примятая его ногами, успела распрямиться. Но запах-то остался, и Алый рванулся вперёд. Он взял след.

Теперь они бежали по лесу, и ветки сильно хлестали Кошкина по лицу. Так всегда бывает, когда бежишь по лесу, не разбирая дороги.

Тот, кто прошёл здесь несколько часов назад, хитрил, запутывал след, посыпал его табаком, чтобы отбить у собаки охоту бежать за ним. Но Алый след не бросал.

Наконец они прибежали к небольшому ручью, и здесь Алый забеспокоился. Тот человек прошёл давно, и вода, которая имела его запах, утекла куда-то далеко вниз. Теперь она пахла водорослями, камешками, проплывающим пескарем. И Алому захотелось поймать этого пескаря. Но пескарь спрятался под камень. Алый тронул камень, но оттуда выскочили сразу три пескаря.

Тут Кошкин увидел, что Алый ловит пескаря, и сказал:

— Фу!

Они перебрались на другой берег, и снова Алый почувствовал чужой запах. Скоро они выскочили на открытую поляну и увидели того, за кем гнались. Тот бежал, и оглядывался, и махал от страха руками, и рукава его одежды были ужасно длинными.

Кошкин бросил поводок, и Алый огромными прыжками стал нагонять нарушителя. Потом он прыгнул последний раз, пролетел по воздуху, ударил бегущего в спину и сшиб его с ног. Тот упал ничком и даже пошевелиться не мог, потому что Алый придавил его к земле.

Кошкин еле оттащил Алого за ошейник.

Тогда лежащий приподнялся и сказал:

— Ну и собачка у вас, товарищ Кошкин! Обалдеть можно!

Человек, за которым они гнались, был не кто иной, как Володька Есаулов, приятель Кошкина и тоже пограничник. И всё это была пока учёба.

Старший инструктор сказал:

— Собака работала хорошо. За такую работу ставлю ей отметку четыре.

— За что же четыре? — спросил Кошкин. — Надо было пять.

— За пескаря, — ответил старший инструктор.

«Проклятый пескарь!» — подумал Кошкин. Он хорошо знал, что пограничная собака

не должна отвлекаться, когда идёт по следу.

Все сели в машину, чтобы ехать назад, а Кошкин достал из кармана отличный сухарик и сунул его Алому в пасть.

И Алый, хрустя сухарём, подумал про старшего инструктора и про Володьку Есаулова: «Вам небось после такой беготни тоже хочется погрызть сухарика, да товарищ Кошкин не даёт».

Наконец настал день, когда Кошкин и собака Алый попрощались со школой собачьих инструкторов. Они поехали служить на границу.

Начальник заставы сказал:

— А, ёлки-палки, Кошкин!

— Так точно! — гаркнул Кошкин, да так громко, что у начальника заставы чуть револьвер не выстрелил.

— Вижу, вижу, — сказал начальник, — вижу, что ты научился отвечать как следует. Только попрошу так сильно не орать, а то у меня чуть револьвер не выстрелил. — Потом командир спросил: — Как же зовут собаку?

— Алый, товарищ капитан.

— Алый? — удивился начальник заставы. — Почему Алый?

— А вы погодите, товарищ капитан, — ответил Кошкин, — вот он высунет язык, и вы поймёте, почему он Алый.

А застава, куда приехали Кошкин и Алый, была в горах. Кругом-кругом, куда ни погляди, всё горы, горы... Все они лесом заросли: ёлками, дикими яблонями. Взбираются деревья вверх, налезают на скалы. А из-под корней вываливаются круглые камни да острые камешки.

— Видишь, Алый, — говорил Кошкин, — вот они, горы. Это тебе не школа собачьих инструкторов.

Алый глядел на горы и думал: «Просто

странно, отчего это земля так вздыбилась, к небу колесом пошла?.. Быть бы ей ровной...»

Трудное дело — охранять границу. Днём и ночью ходили Кошкин и Алыи по инструкторской тропе. Тропа эта — особая. Никому по ней нельзя ходить, кроме инструктора с собакой, чтобы не было постороннего запаха.

Рядом с инструкторской тропой идёт широкая вспаханная полоса. Кто бы ни пошёл через границу, обязательно оставит след на вспаханной полосе.

Вот Кошкин и Алыи ходили по инструкторской тропе и смотрели на вспаханную полосу — нет ли каких следов?

Дни шли за днями, и ничего особенного не происходило. А на вспаханной полосе были только шакальи да заячьи следы.

— Дни идут за днями,— говорил Кошкин,— а ничего особенного не происходит.

«Беда невелика,— думал Алыи,— не происходит, не происходит да вдруг и произойдёт».

И действительно.

Как-то вернулся Кошкин с ночного дежурства и только хотел лечь спать — тревога!

Тревога!

Кто-то перешёл границу!

Тревога!

В ружьё!

Через две минуты на заставе остались

только дежурные. Словно ветер сдул пограничников, да так ловко сдул, что они оказались там, где надо...

Кошкин же и Алый очутились у горного озера. Там, в озере, плавали форели — тёмные рыбы с коричневыми звёздами на боках.

На берегу Кошкин увидел знакомого старика, который вообще-то жил неподалёку, а сейчас удил форель. Этот старик нередко помогал пограничникам.

— Здравствуй, Александр,— сказал Кошкин. Старик кивнул.

— Никого не видел? — спросил Кошкин.

— Видел.

— Кого?

— Босого мужика.

— Тю! — сказал Кошкин.— Какого босого мужика?

— Тю,— сказал теперь старик Александр.— Косолапого.

Кошкин плюнул с досады: он вспомнил, что босым называют медведя.

— А больше никого не видел?

— Видел.

— Кого?

— Обутого мужика.

— Ох,— рассердился Кошкин,— дело говори!

Но старик Александр дело говорить не стал. Он любил говорить странно и шутливо, поэтому сейчас он просто ткнул пальцем в сторону лысой горы.

Но Кошкину и этого было достаточно. Он сделал Алому знак, и они побежали в ту сторону.

Было тихо, тихо, тихо. Но вдруг откуда-то сорвался ветер, закрутился колесом и донёс до Алого запах — странный, недобрый. Тронул ветер верхушки ёлок и тревожно затих и так притаился, как будто ветра и не было на свете...

Алый взял след. И теперь Кошкин продирался за ним через густые терновники, скатывался в овраги, поросшие ежевикой. Алый шёл по следу возбуждённо — острый, чужой запах бил прямо в нос.

Алый зло залаял, и сразу Кошкин увидел человека — на дереве.

Он сидел на дереве, на дикой яблоне, словно пантера, прижался к чёрному корявому суку.

— Вниз!

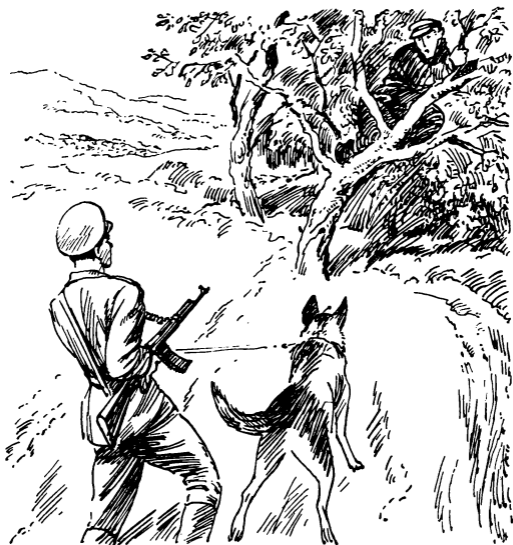
И человек спрыгнул с ветки и, отряхиваясь, заговорил:

— Да я так просто, яблочков хотел пожевать, яблочков.

— Оружие — на землю!

— Да нет у меня никакого оружия, — сказал человек. — А я так просто, яблочков хотел было пожевать, кисленьких...

И вдруг он прыгнул на Кошкина и в ту же секунду оказался на земле: потому что Алый сшиб его с ног и прокусил руку, сжимавшую нож.

— О-о-о! — закричал человек, а потом замолчал — так страшно было увидеть над собой раскрытую собачью пасть...

Когда Кошкин вёл его на заставу, он всё бубнил:

— А я-то яблочков хотел было пожевать... — А потом оглядывался на Алого и говорил: — У-у-у! Дьявол проклятый!

Алый бежал сбоку, и что он думал в этот момент, сказать трудно.

...Так и служили Кошкин и Алый на границе.

Командир заставы часто посылал их в «секрет». Они прятались в кустах и следили, чтоб никто не перешёл границу.

Они так прятались, что их нельзя было увидеть, а они видели всё. Словом, «секрет».

Пробежал мимо заяц — они даже и не шевелились. Если пробежал шакал, тогда Алый думал: «Беги, шакал, беги. Жаль, что я пограничная собака, а то бы я тебе уши-то пооборвал».

Кошкин, конечно, не знал, о чём думает Алый, но сам глядел на шакала и думал: «Жалко, что Алый — пограничная собака, а то бы он от этого шакала камня на камне не оставил».

Вот так и служили Кошкин и Алый на границе. Время шло и медленно и быстро.

«Медленно-то как идёт время», — думал Кошкин иной раз.

«Быстро-то как время бежит», — думал в другой раз.

Уже наступила весна. С гор текли ручьи из растаявшего снега и льда. На некоторых тёплых местах даже пошевеливались змеи и ящерицы. Было полно подснежников и горных фиалок.

Кошкин и Алый шли по инструкторской тропе.

От ручьёв и тающего снега, мокрых камней и свежей земли, от цветов и от ящериц стоял

такой могучий и нежный запах, что у Кошкина кружилась голова и он был ужасно чему-то рад.

Алый фыркал, водил по сторонам мокрым носом и тоже был странно возбуждён.

«Ёлкины палки,— думал Алый.— Что это со мной творится?» Он как-то не понимал, что просто его охватило весеннее собачье веселье.

Чоп-чоп-чоп-чоп!..— Алый бежал по оттаявшей, вязкой земле.

Фру-фру-фру-фру!..— теперь он ломал ледяную корку.

Они спустились в ущелье, и Алый зло ошестинился. И Кошкин сразу увидел следы.

Огромные, чёрные, они ясно отпечатались на вспаханной полосе. Это были совсем свежие следы медведя.

«Может быть, человек?» — подумал Кошкин. Он знал, что есть нарушители, которые надевают на ноги подобие медвежьих лап, чтобы перейти границу.

Кошкин внимательно оглядел след. Сомнений не было — медведь. Но надо было проверить.

Алый чуть дрожал, скалил зубы, чувствовал зверя. Ясно было — медведь. Только надо было проверить.

— Вперёд! — шепнул Кошкин.

Алый туго потянул поводок и пошёл по следу.

Солнце поднялось выше — и ручьи заурчали погромче. Послышались новые, самые разнообразные звуки: какие-то потрескивания, позвякивания, потряхивания.

«Оррк! Оррк!» — орал в небе огромный ворон, утомлённый солнечной весной.

След привёл к большим камням, которые громоздились в устье ущелья. Камни были покрыты ледяной коркой, а на ней мелкой россыпью бродили ручейки, разрезали узорными желобками лёд. От камней поднимался пар.

Они вбежали в облако пара, и тотчас закружились белые струйки, как будто все бесчисленные весенние ручейки вдруг рванулись вверх, к небу.

«Ах! Ах!.. — залаял Алый, и залаял он не так, как обычно, а странно: — Ах! Ах!..»

Огромный зверь встал перед ними. И так близко, что видны были весенние капли в блестящей шерсти.

Медведь!

Кошкин изо всей силы рванул поводок и отбросил Алого назад. Но медведь был повесенному зол. Он вздыбил шерсть и замигал глазками, красными и разъярёнными. Он прыгнул вперёд и подцепил Алого лапой.

Алый увернулся бы, да камень помешал — камень, окутанный паром. От страшного удара Алый взлетел в воздух, разбрызгивая капли крови.

«Алый!» — хотел крикнуть Кошкин, но крикнул только:

— А-а-а...— и поднял автомат, и выстрелил несколько раз.

Мёртвый медведь лежал, вцепившись зубами в камень. Он крепко обнял его мохнатыми лапами, и светлый ручей из расселины хлестал через его голову.

Кошкин перевязал Алого и понёс его на заставу. Все мысли Кошкина запутались, сбились в клубок. Он прижимался ухом к спине Алого и слышал, как невероятно быстро, не по-человечески колотится его сердце.

На заставе фельдшер промыл рану Алого и долго-долго зашивал её. Было ужасно больно. Алому всё время хотелось зря укусить фельдшера, но Кошкин стоял рядом, гладил Алого и нарочно грубо говорил:

— Подумаешь, медведь! Барахло какое!

«Зашивайте, зашивайте поскорее,— думал Алый.— Больно же...»

Когда фельдшер зашил рану, Алый сразу хотел вскочить, но сил-то не было. И Кошкин понёс его в сарайчик, где жили собаки. На руках у Кошкина Алый уснул...

Потом побежали день за днём. Солнце перекачивалось над горами, облака сталкивались в небе с тучами, падал на землю дождь, и на встречу ему выползали из земли толстые стебли, налитые зелёным соком.

Алый всё время чувствовал, как заживает, затягивается его рана, и торопился её лизать. Ему казалось, что он может слизнуть языком тупую, тягучую боль.

Когда рана поджила, Кошкин стал выводить его во двор заставы. Кошкин садился на лавочку и играл на гитаре, а Алый лежал у его ног, мигая на солнце.

Алому было странно слушать, как тянутся звуки со струн, плывут над его головой и закруживают её. Он поднимал голову — и утомительный вой вылетал из его горла. И Алый закрывал глаза и хватал зубами воздух, будто хотел укунить собственную песню.

Подходили пограничники, слушали Алого и смеялись, расспрашивали про медведя.

— Вообще-то я медведей побаиваюсь,— говорил Кошкин, отставив гитару.— Кусаются.

Алый, конечно, ничего не говорил, но думал: «С медведями держи ухо востро».

Весна прошла, а потом прошло лето, а потом и осень кончилась. Выпал снег. От него выровнялись кривые горы, и даже в ущельях, под нависшими камнями, сделалось ясно.

Хоть и неглубок был первый снег, на нём хорошо был виден след нарушителя. Снег был пробит, продавлен подкованным сапогом до самой земли, до осеннего листа.

— Тяжёлый человек прошёл,— сказал рядовой Снегирёв про того, кто натоптал след.

— Да,— отозвался Кошкин,— тяжеловат.

Алый нервничал, тянул Кошкина по следу, но Кошкин сдерживал его, раздумывал.

— Ну? — спросил Снегирёв.

— Будем преследовать, — отозвался Кошкин и кивнул Алому.

Быстро пошёл Алый по следу. Бежит за ним Кошкин, старается так поспевать, чтобы ошейником не резало Алому шею. Снегирёв бежит чуть сзади.

След — в крутую гору. Видно, что «тяжёлему» трудновато подниматься. Вот он споткнулся... Стоп! Разглядел Кошкин след, и стало ему понятно, что впереди двое, что «тяжёлый» тащит на себе «лёгкого».

Поднялись в гору — след под гору пошёл. Трудно бежать под гору — пороша все камни покрыла. Оступишься и выскользнет камешек из-под ноги, да так выскользнет, что тебя перекувырнёт в воздухе да об этот камешек затылком трахнет.

След привёл к дороге, и там Кошкин понял вот какую штуку: «тяжёлый» отпустил «лёгкого». Тот вперёд побежал, а «тяжёлый» его следы затапывал.

Ух, горные дороги! Справа — скала, слева — обрыв, а на дне его — бешеный зелёный ручей. Крутит, вертит дорога вокруг горы — за скалу, за корявую кручу.

Выбежали Кошкин и Алый за поворот — вы-

стрел навстречу. Пуля взвизгнула об камень, ударилась о другой, забилась яростно между камнями, пока не утонула в мягком стволе дерева.

Кошкин и Алый за валуном схоронились, за другим — Снегирёв. Выстрел — заныли каменные осколки, пуля дугой улетела в небо.

Кошкин выглянул осторожно и увидел, как темнеет за камнем рука с пистолетом, покачивается в воздухе...

Ударил Кошкин из автомата и разбил её.

Прыжок — Алый взмахнул на спину «тяжёлого», режет когтями его одежду, страшными зубами шею сдавил.

Подбежали Кошкин и Снегирёв, обезоружили нарушителя, связали. Скорчившись, сидел нарушитель на земле, дрожал, и вокруг него таял снег. Он плевал себе под ноги, и Кошкин Алого в сторону отвёл, будто боялся, что плевки злого человека ядовитые.

Кошкин и Алый побежали дальше по следу, а Снегирёв остался пойманного сторожить.

Дорога здесь была уже найдена-наезжена, и следы «лёгкого» поэтому часто терялись, затаивались среди следов других людей.

Впереди у дороги стоял дом. Тут жил старик Александр. Кошкин оглядел дом, укрывшись за скалой. В узких окошках ничего не было видно, а на диких яблонях, растущих вокруг, сидели куры.

Алый тянул по следу мимо дома, но Кошкин решил зайти, расспросить Александра.

Старик сидел в комнате, завешанной вязками красного перца и косицами, наплетёнными из лука. Он курил трубку.

— Здравствуй, Александр,— сказал Кошкин, придерживая Алого.

Александр выпустил колесо дыма:

— Здравствуй, Кошкин.

— Никого не видел?

— Видел,— сказал Александр и, косясь на Алого, снова выпустил колесо дыма. Оно неторопливо догнало первое, ещё висящее в воздухе.

— Скорее! — сказал Кошкин.— Скорее говори: где он?

Александр подмигнул Кошкину и выпустил третье колесо.

— Не спеши, не спеши, Кошкин,— сказал Александр и, выпустив четвёртое колесо дыма, встал.

Он подошёл к окну и поглядел в него, а потом поманил Кошкина пальцем.

Кошкин выглянул в окно и увидел врага. С крутого откоса тот спускался вниз, к ручью.

Вода раскалывается о камни, грохочет, разлетается пеной, брызгами. Прозрачные космы закручиваются, свистят, и медленно-медленно

под напором воды сползают камни, подталкивают друг друга скользкими плечами и с внезапным рёвом поворачиваются лениво и грозно набок.

Осторожно спускается Кошкин, прячется за кустами с красными ягодами, за валунами, припорошёнными снегом.

За звоном воды, за каменным гулом не слышно шага, треска колючего сучка под ногой. И не слышно, как орёт в небе ворон, а только разевает рот, пролетая за гору.

Алый медленно ведёт, извивается напряжённо, как живая пружина. Он весь наполнен запахом врага, он видит его.

Тот уже у самого ручья. Остановился, думает, где ручей перейти.

Алый сжался в комок.

Вот Кошкин отпустит его.

Вот отпустил...

Алый расстелился по земле — и прыгнул, будто взмахнул всем телом. Остановился, застыл в воздухе на секунду — и рухнул на врага. Ударил его в спину. Рванул.

Тот упал, но вывернул назад руку и выстрелил в Алого — раз, другой, третий.

Алый вырвал пистолет, и металл будто треснул в его зубах, как чёрная кость.

Кошкин ударил врага, скрутил ему руки...

Зелёные дуги сшибаются в ручье, захлёстывают друг друга, звон выбивают и пену.

Кошкин глянул на Алого и схватился за

голову. Без движения лежал Алый на снегу.

Кошкин поднял его, и тепло-тепло стало его рукам, будто он опустил их внутрь абрикоса, нагретого солнцем.

Тепло струилось между пальцев, утекало, лилось в снег. Руки его стали алыми.

Алый был жив, когда Кошкин принёс его на заставу. Пули не задержались в его теле — вылетели вон.

Алый тяжело дышал, и глаза его то просветлялись, то становились мутными. Кошкин глядел в них и не знал, видит ли его Алый.

Но Алый видел Кошкина и понимал, что это Кошкин — мужик хороший.

— Умрёт он,— сказал фельдшер.

Но Кошкин не поверил. Он сидел рядом с Алым и гладил его по голове. Он рассказывал Алому, что скоро получит из дому посылку. А там, в этой посылке, чего только не будет: и колбаса, и сало, и коржики.

— То-то пожуём,— говорил Кошкин.

Алому было приятно слушать голос Кошкина. Но только над головой его поплыли длинные мягкие птицы, закружили её, заморозили. Голова его стала такая тяжёлая, что он не смог её больше держать и уронил на передние лапы.

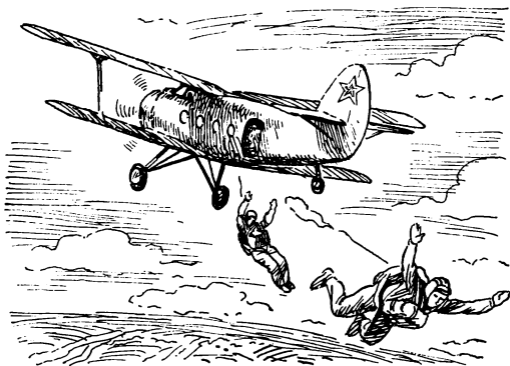
«Жалко мне тебя, Кошкин...» — подумал было

Алый, но не сумел додумать, почему он жалеет Кошкина. Алыи вздрогнул два раза и умер.

А Кошкин никак не мог понять, что Алыи умер. Он гладил его и говорил:

— И колбаса там будет, и сало, и коржики...

Борис Никольский

СОЛДАТСКИЙ СЕКРЕТ

Честно говоря, я первый раз по-настоящему понял, что мне на самом деле предстоит с парашютом прыгать, только когда уже на аэродром в полной десантной форме прибыл. Комбинезон, шлем, основной парашют — сзади, за спиной, запасной — спереди, всё как положено. Раньше, пока мы тренировались, пока всякие хитрые упражнения делали, я всё как-то думал: ещё далеко, ещё не скоро дело до прыжка дойдёт.

А тут прибыли мы на аэродром, и не успел я оглянуться, команда раздаётся:

— По самолётам!

Маленький Ан-2 уже ждал нас. Сейчас мы заберёмся в самолёт, взмлет он в воздух и...

Шутка ли сказать — с тысячи метров вниз лететь! Как подумал я об этом, так чувствую: мурашки по спине побежали.

Посмотрел на солдат, на товарищей своих, а им хоть бы что! Забираются один за другим в самолёт как ни в чём не бывало. И Смирнов из Ленинграда, и Нурпеисов из Алма-Аты, и Сидницын из деревни Малые Гребешки. А мой земляк Вася Васильев — так тот даже улыбается.

«Неужели, — думаю, — я один такой нервный?»

И стыдно мне, изо всех сил стараюсь вида не показать, что боюсь.

Забрались мы в самолёт, сели. Загудел мотор, взлетел наш Ан-2 — и в воздух.

Посмотрел я в иллюминатор, а земля всё дальше и дальше вниз уплывает. Дорога там внизу как ленточка вьётся, трактор бежит совсем маленький, словно игрушечный. И так в эту минуту позавидовал я трактористу — словами не рассказать! Хорошо ему — никуда прыгать не надо!

Нет, видно, не получится из меня десантник.

Глянул я на товарищей своих, а они сидят себе спокойненько. И Смирнов из Ленинграда

спокоен, и Нурпеисов из Алма-Аты, и Сеницын из деревни Малые Гребешки. А мой земляк Вася Васильев — так тот даже глаза прикрыл, дремлет. Будто прыгать с парашютом для него самое привычное дело.

Я тоже глаза прикрыл и думаю:

«Выходит, им совсем не страшно, а мне страшно? Секрет они какой знают, что ли?»

А тут подают команду:

— Приготовиться!

И все солдаты встают по этой команде. И Смирнов из Ленинграда, и Нурпеисов из Алма-Аты, и Сеницын из деревни Малые Гребешки. А мой земляк Вася Васильев — так тот даже потягивается слегка, словно и правда хорошо выспался.

И я встаю вместе со всеми.

Ветер врывается в самолёт. Дверь уже приоткрыта, и наш командир, выпускающий, стоит возле двери:

— Пошёл!

Дверь распахивается во всю ширь.

Воздушные вихри клубятся снаружи.

Всего несколько шагов отделяют меня от этой распахнутой двери. И сразу слабеют ноги, и противный холодок пробегает в животе. Нет, никогда мне не сделать эти несколько шагов!

— Пошёл!

И уже прыгнул Смирнов из Ленинграда!

И Нурпеисов из Алма-Аты!

И Сеницын из деревни Малые Гребешки!

А мой земляк Вася Васильев — так тот даже подмигнул мне на прощание.

Даже зло разобрало, честное слово! Что, я хуже всех, что ли...

Но додумать я уже не успел: рука выпускающего легла мне на плечо.

— Пошёл!

И я полетел вслед за Смирновым из Ленинграда, вслед за Нурпеисовым из Алма-Аты, вслед за Сеницыным из деревни Малые Гребешки. Потом меня тряхнуло — и парашют раскрылся.

И так радостно стало мне!

Я плавно покачивался под огромным белым куполом, а сверху было синее-синее небо, и облака плыли надо мной.

А правее меня спускались на своих парашютах Смирнов из Ленинграда, Нурпеисов из Алма-Аты и Сеницын из деревни Малые Гребешки. А мой земляк Вася Васильев — так тот даже пел песню.

...В этот день в казарме только и было разговоров что о первом прыжке.

— Честно признаюсь, парни, — говорил Смирнов из Ленинграда. — Я уж думал: ни за что мне не прыгнуть. Как дверь приоткрылась, как вниз я глянул, так коленки затряслись, честное слово! А потом смотрю на Нурпеисыча, на Сеницына смотрю — им хоть бы что! Секрет, думаю, они какой знают, что ли? Неужели я один такой нерешительный? Нет, думаю,

что бы там ни было, а от других не отстану...

— А я на тебя смотрел! — удивляется Нурпеисов.

— А я с тебя пример брал! — говорит Синицын.

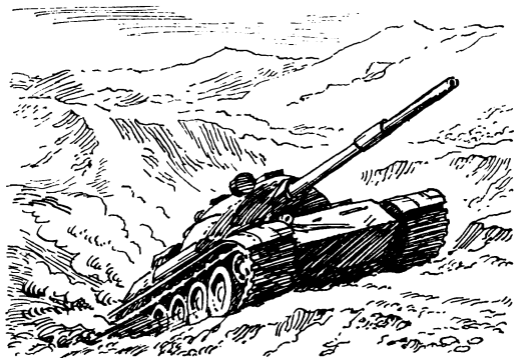
— А я с тебя! — говорит мне мой земляк Вася Васильев.

И тут мы все переглянулись и расхохотались.

А наш командир взвода, лейтенант, и говорит:

— Выходит, вы, сами того не зная, друг друга подбадривали. Так и должно быть. Вы вот про секрет сейчас говорили. И верно, есть у десантников один секрет. Обычный секрет, солдатский — как бы тебе ни было трудно, а товарища своего поддержи-подбодри. Это для солдата закон. Ну, а что страшновато перед первым прыжком было — так тут стыдиться нечего. Недаром говорят: не тот храбрый человек, кто страха не знает, а тот, кто свой страх победить сумеет. Победил страх — значит, настоящим солдатом стал. Вот так-то.

Борис Никольский

ПРЕПЯТСТВИЕ

Вот какую историю рассказал мне вечером в казарме сержант Пирожков.

— Есть у меня друг — Володя Кукушкин. Во всей роте — да что в роте! — во всём полку считается он лучшим механиком-водителем.

Про него наш командир, лейтенант Громыхалов, всегда говорил:

«Нет такого препятствия, которое не смог бы преодолеть танк, если им управляет рядовой Кукушкин».

А другой наш командир, капитан Дегтярёв, говорил:

«Завяжите Кукушкину глаза, он и с завязанными глазами проведёт танк как по ниточке».

А третий наш командир, майор Каратыгин, говорил:

«Запустите танк с Кукушкиным в самое что ни на есть непроходимое болото — он и то выберется».

Другой бы человек на месте Володи Кукушкина, наверно, давно возгордился, но наш Володя Кукушкин оставался таким же скромным парнем, каким был, когда прибыл в армию.

И вот однажды приехали к нам гости — комсомольцы с фабрики из соседнего посёлка. Пришли на танкодром, где учатся солдаты водить свои боевые машины.

— Ну,— говорит лейтенант Громыхалов Кукушкину,— доверяем всем вам исключительно важное дело — показать, на что способны наши танкисты. И чтобы всё было без сучка и задоринки.

— Есть!— говорит Кукушкин.— Без сучка и задоринки!

Надел он, как положено, комбинезон, надел танковый шлем и забрался в свой танк.

Комсомольцы, наши гости, кто на вышке стоит, чтобы виднее было, кто возле вышки, кто через бинокли смотрит, а кто — просто так. И мы все, солдаты, товарищи Кукушкина, стоим тут же.

Вот подал лейтенант по радио команду:
«Вперёд!»

Загрохотал танк, выбросил облако сизого дыма и рванулся с места.

Только пыль взвилась из-под гусениц.

И хоть знаем мы, какой отличный водитель наш друг Кукушкин, а всё равно волнуемся — мало ли что бывает.

И вот мчится танк с Кукушкиным всё вперёд и вперёд.

А на танкодроме, надо сказать, каких только препятствий нет! И крутой подъём на гору, и отвесный спуск, и самый настоящий противотанковый ров, и узенький мост — чуть ошибёшься, и всё — застрял.

Только для нашего Кукушкина все эти препятствия не препятствия.

Одно — позади.

Второе — позади.

Третье — позади.

Молодец Кукушкин! Знай, ребята, наших!

Взобрался танк на гору и аккуратненько спустился. Нырнул в ров и тут же задрал нос к небу — выбирается.

И уже несётся, грохоча, по прямой к мосту.

Лишь пыль клубится над ним.

— Нет такого препятствия, — объясняет нашим гостям лейтенант Громыхалов, — которое не мог бы преодолеть танк, если им управляет...

И вдруг замолчал лейтенант Громыхалов на полуслове.

Что такое?

Мы даже глазам своим не поверили.

Замер танк, остановился как вкопанный.

Что случилось? Никогда такого не бывало.
Неужели отказал мотор?

Видим издали — открывается крышка люка и выбирается Кукушкин из танка.

Повозился возле гусеницы и назад — в люк.

Тронулся танк. Но время-то уже потеряно!

Лейтенант от досады даже зажмурился.

— Эх! — говорит. — Надо же, чтобы именно сегодня такое случилось! Подкачал Кукушкин. Опозорился перед нашими гостями!

А танк уже рядом. Откинулась тяжёлая бронированная крышка, и из люка высунулась голова Кукушкина.

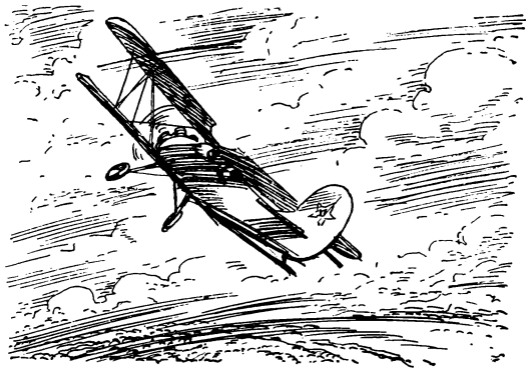
— Принимайте, — говорит, — пассажира!

А на ладони у него — видим — свернулся маленький ёжик.

— Чуть под самую гусеницу не угодил, — говорит Кукушкин. — И как только я его заметил!

Вот тебе и препятствие!

Юрий Нагибин

В БЕСКРАЙНЕМ НЕБЕ

Курсант Саратовского аэроклуба Юрий Гагарин совершал свой первый самостоятельный полёт. Ему принадлежали и синь бескрайнего неба, и лёгкие светлые облака, и ширь земли далеко внизу. И всё это потому, что он держится в воздухе своей силой. А прежде его держала рука инструктора Мартянова. Да, он так же сжимал штурвал, управлял самолётом, но им самим управляла чужая воля, и он ощущал её даже в те минуты, когда инструктор не вмешивался в его действия.

Нечто сходное он пережил в раннем детстве. Мать учила его плавать в ручье. Она клала сынишку животом на свою ладонь, он шлёпал руками, сучил ногами, вода плескалась, обтекала маленькое тело, но всё-таки плыл не он, а материнская рука. Так и во всех прежних совместных полётах он летал как бы на чужих крыльях. А сейчас узнал, что значит лететь на своих крыльях, и это было счастье!..

Юрий Гагарин засмеялся, чувствуя сушь обветренных губ — изнурительно сухое и пыльное лето стояло в Саратове, — и вдруг запел. В стареньком учебном самолёте По-2, носившем в пору войны смешливо-уважительное прозвище «кукурузник», над бурным кругом маленького аэродромного поля запел во всё горло, но никто его не услышал. Мог ли он думать, что пройдёт не так уж много лет и в кабине космического корабля он запоёт над всем миром песню, которая сразу станет знаменитой лишь потому, что её пел он, Гагарин, первый человек, проникший в космос.

Но надо садиться. Ему положено сделать всего один круг. Так же как и в том, будущем, полёте. Он приземлился красиво и точно, прыгнул на землю и, стараясь не выдать своего бурного восторга, отрапортовал инструктору Мартянову:

— Товарищ инструктор лётного дела, задание выполнено!

— Молодец,— сказал Мартьянов.— Поздравляю!..— И тут он дал приоткрыться створкам, за которыми скрывал свои чувства от курсантов, боясь панибратства, потому что сам был ещё очень молод, шагнул к Гагарину и крепко обнял его.

— Для первого раза совсем неплохо!— сказал, подходя, приехавший в гости генерал-майор авиации со Звездой Героя на кителе.

Гагарин видел его, ещё когда рапортовал Мартьянову. Но что могло быть общего между генералом авиации, Героем Советского Союза, и скромным курсантом аэроклуба? И вдруг протянулась ниточка. Он вспыхнул и неловко поклонился генералу.

— Какой путь вы себе избрали?— спросил генерал.

Гагарин смешался, и за него ответил Мартьянов:

— Индустриальный техникум кончает, будет литейщиком.

— Хорошее дело.— В голосе генерала прозвучало разочарование.— Хорошее, ничего не скажешь. А только он прирождённый лётчик. Мог бы стать классным пилотом.

— Я хочу летать, товарищ генерал!— вдруг звонко сказал Гагарин.— Я ничего другого не хочу!..

— Вон как?— Генерал внимательно посмотрел в открытое лицо юноши, словно хотел запомнить его на будущее.— Как вас зовут?

— Юра,— по-детски ответил курсант и тут же поправился: — Юрий Алексеевич.

— Фамилия?

— Гагарин.

— Хорошая фамилия, княжеская,— усмехнулся генерал.

— Не, мы колхозные,— как во сне произнёс Гагарин, и ему показалось, что кто-то иной, далёкий, произнёс эти слова.

И, словно усиливая его странное чувство, генерал поднёс пальцы к седым вискам, как делают люди, пытаясь вспомнить забытую мелодию.

— Боже мой!.. Ведь так уже было... Я слышал, слышал эти слова!..

Гагарин смотрел на генерала и сам неудержимо проваливался в глубь лет. Перед ним было родное Клушино начала войны, деревенская улица, вдруг накрытая адским грохотом, заставившим кинуться врассыпную кур, уток, гусей, поросят, а дворовых псов с воем забиться в конуры. Над крышами изб, едва не посшибав радиоантенны, пронеслись два краснозвёздных самолёта, и за одним из них тянулся хвост густого чёрного дыма. Внезапно возникнув, они так же внезапно скрылись, только грохот их ещё колебал воздух. Казалось, самолёты сели на картофельное поле за деревней. Все, кто был на улице, кинулись туда.

С околицы слабо всхолмлённая окрестность просматривалась далеко, она не имела края и

как-то неприметно становилась небом. Самолётов как не бывало. В разных местах простора подымались дымы, но то были костры пастухов, угоняющих на восток смоленские стада, костры беженцев, или же то догорали строения, подождённые немецкими «зажигалками».

— Улетели, видать...

— К базе своей потянули...

Любопытные повернули назад. Юра остался. Он жадно оглядывал местность. Вдруг он сорвался и побежал через поле к можжевёловой поросли, за которой в низине лежало болото.

Там они и оказались. Один самолёт, целёхонький, стоял на твёрдой земле, другой исходил последним дымком в тёмной жиже торфяного болота. Видно, огонь погасило болотной влагой. Юра подошёл совсем близко, но пилоты не замечали его. Старший из них бинтовал своему молодому белобрысому товарищу раненую руку. Тому было очень больно, и, чтобы скрыть это, он на все лады ругал гитлеровцев, подбивших его самолёт.

— Может, лучше просто поорать, да погромче? — предложил старший.

В ответ прозвучало новое замысловатое проклятие гитлеровцам, которые, так их и растак, за всё ответят.

— Больно, да? — спросил старший.

— Чепуха! Кабы не ты, стучаться мне у райских врат.

— Не трви баланду! — сердито сказал старший и тут заметил мальчика. — Эй, пацан, это что там за деревня?

— Это не деревня, село, — застенчиво про-
бормотал Юра.

— Вот формалист! Ну, село...

— Клушино.

Лётчик закрепил бинт, достал из планшета карту. Юре очень хотелось посмотреть, какие карты у лётчиков, но он не решился, уважая военную тайну.

— Понятно...— пробормотал лётчик.— Тебя как звать?

— Юра... Юрий Алексеевич.

— Ого! А фамилия?

— Гагарин.

— Хорошая фамилия, княжеская.

— Не, мы колхозные.

— Того лучше! Председатель у вас толковый?

— Ага...— И, вспомнив, что говорили взрослые, добавил: — Хозяйственный...

Оба лётчика засмеялись.

— Записку ему отнесёшь,— сказал старший и, подложив планшет, стал что-то писать на листке бумаги, вырванном из блокнота.

— Дядь, а вас на фронте подбили? — спросил Юра раненого.

— Факт, не в пивной,— морщась, ответил тот.

— А он чего так низко летел? — спросил Юра о старшем.

— Меня прикрывал.

— Как прикрывал?

— От врага оборонял. Это, браток, взаимовыручкой называется.

— Дядь, а когда летаешь, звёзды близко видны?

— Ещё бы! — усмехнулся раненый.— Как на ладони.

— А там кто есть?

— Вот не скажу. Так высоко мы ещё не зале-

тали. А сейчас и вовсе не до звёзд. Начнёшь звёзды считать, тут тебе немец и всыплет.

— Значит, вы звёзды считали?

— А тебе палец в рот не клади! Я ихнюю колонну поливал и от снаряда не уберёгся...

— Слушай, Юрий Алексеевич, тебе боевое задание,— прервал их увлекательный разговор старший.— Передай эту записку вашему преду. Понятно?

— А вы не улетите?— спросил мальчик.

— Мы здесь зимовать останемся,— пошутил молодой.

— Нам воевать надо,— серьёзно сказал старший.— А ну-ка, исполнять! Живо! Одна нога здесь, другая там!

Юра опрометью кинулся выполнять первое в своей жизни боевое задание.

Вечером мать не пустила его со двора. А он не мог объяснить ей, что ему нужно к лётчикам. Прочитав доставленную им записку, председатель строго-настрого предупредил: о лётчиках никому ни слова. Юра не понял смысла этого запрета, но ведь боевые приказы не обсуждаются. И он молчал.

Чуть свет Юра выскочил из спящей избы и помчался в поле. Он бежал напрямик сквозь мокрый от росы орешник, через овраг, острекался злой осенней крапивой, но всё равно опоздал. Лётчиков не было. Лишь в тёмной торфяной жиже сиротливо торчал полузатонувший истребитель.

Юра с грустью поглядел на пепельный кружок костра, на глубокие борозды, оставленные самолётом, унёсшим лётчиков. А потом, перепрыгивая с кочки на кочку, добрался до утонувшего самолёта и залез внутрь. Занял место пилота, положил руки на штурвал и... Теперь он знал, почему испытанное сегодня при всей своей ошеломляющей новизне на миг представилось повторением раз пережитого. Вот тогда в мёртвом, чёрном самолёте почувствовал он небо, полёт, крылья, как не чувствовал потом уже ни разу вплоть до сегодняшнего дня...

И в генерале вид этого юноши пробудил забытые воспоминания, и все они сводились к появлению из пустоты полей светловолосого деревенского мальчика, похожего на пастушонка.

А вот Гагарин не узнавал генерала. Раненым белобрысым лётчиком он явно не мог быть — волосы на его висках были тёмными и уж слишком немолодо изрубленное морщинами загорелое лицо. Но и на старшего лётчика, каким он сохранился в памяти, генерал не больно похож. У того голова была круглее, черты лица мягче, нос покультяпистее и голос совсем другой. Да ведь сколько времени прошло; человек изменился, подсушился, заострился под стать своему определившемуся характеру, а голос в заглубившей гортани стал устойчивей, ниже, глуше. И, твёрдо сочтя генерала старшим из двух лётчиков, Гагарин спросил:

— А как ваш товарищ?

— Какой товарищ? — не понял генерал.

Вот те раз — неужто и такое можно забыть в круговерти жизни?..

— Ну, которого вы прикрывали, — сказал он упавшим голосом.

— Вы чего-то путаете, ваше сиятельство! — рассердился генерал.

— Да ничего не путаю!

И, забыв о всякой почтительности, Гагарин горячо и сбивчиво принялся оживлять затвердевшую память старого воина. Тот слушал его с интересом, удивлением и вроде бы печалью.

— Да, — вздохнул генерал, когда Гагарин замолк, — жизнь и щедрее, и в чём-то скупее, чем нам кажется. Как называлась твоя деревня?

— Село Клушино. Оно и сейчас так называется.

— Понятно! Теперь я вспомнил. Мне тогда помог другой князь, Куракин, из села Куракино...

Сергей Иванов

ПОДВОДНАЯ ПОВЕСТЬ

Военно-морские песни

У Лёни была хорошая профессия — пчеловод. Но к армии никакого отношения она не имела.

И вот пришло время идти Лёне на военную службу. Вместе с другими призывниками он явился в военкомат.

— Пчёлками, значит, командуешь, — улыбнулся военком. — Что ж, профессия добрая... А сам ты случайно не слишком ли добрый?..

Ладно, ладно — шучу. Так какие же будут твои пожелания по роду войск?

— По-моему, слишком добрых не бывает,— Лёня улыбнулся в ответ.— Вот слишком злые — это сколько хотите! А по роду войск... есть у меня пожелание. Хочу в моряки!

Военному слова эти понравились, ведь он и сам когда-то был военным моряком.

— Пожелание твоё мы учтём... А ты что-нибудь о флоте знаешь?

— Я?..— Лёня смутился.— Песни военно-морские знаю!

— А ну-ка, спой!

Бывшие тут же призывники с удивлением оглянулись, когда Лёня красиво и строго стал выводить про то, что «врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!».

Военному Лёнино пение очень понравилось.

— А ну-ка, теперь представь: ночь, темнота и по темноте этой летят рядом пчела и шмель...

— Не,— Лёня покачал головой,— они в темноте не летают.

— А ты всё же представь! Такой мы сделаем мысленный эксперимент... Где шмель летит, а где пчела, сможешь узнать?

— Чего ж,— сказал Лёня,— узнать вообще-то можно. Шмель, он во время полёта басом поёт. А у пчелиных крыльев голос более нежный... А зачем вы про это?..

— Потом узнаешь,— сказал военком.— Но в моряки ты, наверное, годишься.

Моря Лёня Голубев никогда не видал. А где ты его увидишь, когда жизнь твоя протекает среди рязанских полей да лесов. Можно было бы, конечно, в отпуск, но у пчеловода летом отпусков не бывает. А зимой на море отпускнику делать нечего.

Лёня, если уж по-честному, и страну нашу толком не видел. Он ею гордился — что такая огромная и могучая. Но и об этом он мог судить лишь по урокам географии да во время передач «Клуб путешественников». Сам же Лёня, как и очень многие люди, путешественником не был.

Но теперь он ехал почти через всю страну. Была хорошая осень, всё кругом стояло золотое и красное. И что ни поле за леском, везде работали и работали люди. У поездов стояли машины, полные овощей и картошки, — ждали, пока проедет состав, который вез призывников на Тихий океан.

По ночам Лёня смотрел на бессонные окна заводов. Старшина по фамилии Старшинов, которому было доверено привезти призывников в целости и сохранности, строго загонял Лёню спать. Но и забравшись к себе на верхнюю полку, Лёня долго ещё не спал, а всё смотрел в окошко. И потом, когда засыпал наконец, ему казалось, что он летит.

Прошло двое суток, они миновали Урал, и

тут началась зима. Воздух, когда они выходили поразмяться на полустанках, был студёный, густой. А то принимался валить снег — такой спокойный и праздничный, какой в рязанской земле бывает лишь перед самым Новым годом.

Однажды, на четвёртую или пятую ночь пути, Лёня проснулся от какого-то сияния. В чистом, светящемся от мороза небе висела луна. Она была большая, тяжёлая и лишь чуть-чуть подъеденная с одного края.

Лунный огонь прыгал по воде, коротко и драгоценно зажигая гребни волн. Иногда видение это закрывала выросшая из темноты скала или отпечатанный на серебряном небе разлапистый кедр. А потом опять: чёрная вода, сверкание волн. И чувствовал Лёня, что нету этой красоте ни конца, ни начала! Забыв все строгие наставления, он вышел в коридор, приоткрыл дверь в соседнее купе. Старшина Старшинов сидел у окна.

— Байкал? — тихо спросил Лёня.

— Садись, — ответил Старшинов, — смотри...
Понял теперь?

Лёня будто бы и не знал, что такое хочет сказать ему старшина. И всё-таки знал. Ему припомнились колонны грузовиков с урожаем, и суровые горы Урала, и ночные заводы, и сибирская тайга... И много всего, что удалось увидеть, что называется словами: Родина, моя страна...

— Понял теперь? — тихо переспросил старшина Старшинов.

— Понял! — ответил молодой матрос.

Лёня вспоминает

Года три ему было. Да, года три... На крыльцо вышел, а дед рукой машет, машет. Лёня подбежал. Дед и говорит:

— Видишь?.. Пчела!

— Пчела,— старательно повторил маленький Лёня,— плеча...

— Да не, Лёнюшка. Пчела, пчёлочка!.. Самая первая по этой весне.

Гидроакустик Голубев

На Дальнем Востоке, куда приехали они, на берегу Тихого океана зимы не было и в помине, а было настоящее лето. И вода океанская оказалась тёплая, даже теплее, чем вода рязанских речек в середине июля!

Их учебный отряд располагался на красивой обрывистой сопке. Внизу золотилось море, выкатывалось на берег прозрачной волной. Да только Лёне Голубеву некогда было сбежать по крутой тропинке, некогда на песочке загорать. Он ведь стал человек военный. Первые две недели новобранцы осваивались, что да как. Присматривались к старшине, а старшина к ним. Учились всяким флотским словам. То, что

раньше было «постель», теперь стало «кочечка». А все полы на свете стали палубой, а все лестницы трапами, а все окна надо было не закрывать, а задраивать. Да и не окна, а иллюминаторы!. Однажды старшина сказал Лёне:

— Голубев! Поднеси-ка там баночку.

Лёня по форме ответил: «Есть!» — и побежал на кухню... тьфу ты, на камбуз то есть. Взял банку из-под компота, добросовестно ополоснул её — а он всё старался здесь выполнять добросовестно,— побежал к старшине, приложил руку к бескозырке... Старшина Старшинов, хотя Устав не позволял этого, так и повалился со смеху.

— Баночка, Голубев,— сказал старшина, вытирая слёзы,— это вот что такое! — Он взял стул и поставил его перед удивлённым Лёней...

С тех пор запомнил матрос Голубев: на флоте нет ни скамеек, ни стульев, ни кресел. Всё, на чём сидят, называется «баночка». Вот какие дела!

Если в морских словечках Лёня пока путался, то с главной службой у него шло как раз неплохо. Он узнал наконец, зачем это военком интересовался, сумеет ли будущий матрос гудение шмеля отличить от гудения пчелы. Лёню за тонкий слух решили определить в гидроакустики. А эта специальность даётся далеко не каждому. При помощи разных точных приборов акустики прослушивают море, ловят звуки, которые бегут глубоко под водой. Зачем

это нужно, мы узнаем потом. А пока вслед за Лёней входим в класс, где идёт проверочный экзамен.

— Товарищи! — сказал старшина Старшинов. — Все вы оказались способными ребятами, поэтому вас отобрали для службы на подводных лодках.

Сердце у Лёни вздрогнуло. Перед глазами мелькнули какие-то фантастические фильмы — как человек стоит у огромного окна, а на него смотрит глазами величиной с тарелку гигантский осьминог. Было радостно и боязно.

На некоторое время он отвлекся, как школьник во время урока, и не слышал, что там дальше сказал старшина. Но увидел, что все рассаживаются за маленькие столики. На столе пара наушников и четыре кнопки с надписями: «Тише», «Громче», «Выше», «Ниже». Все надели наушники, и Лёня надел. В наушниках слышалось что-то вроде комариного писка.

— Запомнили сигнал? — спросил Старшинов.

Лёня представил себе комара — не очень большого, не очень маленького, среднего такого.

— Следите за изменением сигнала! — сказал Старшинов.

И действительно: комар вдруг словно отлетел в дальний конец комнаты. Лёня быстро нашёл кнопку «тише», нажал её. Потом комар вдруг сделался маленьким-маленьким и ныть стал совсем пискляво. Лёня нажал кнопку

«выше»: звук-то в наушниках стал тоньше! Потом комарик словно бы влез в самое ухо. И тогда Лёня нажал кнопку «громче». Потом комар опять улетел, потом он превратился в толстого комарищу... А Лёня всё время нажимал разные кнопки, и всё время безошибочно.

— Будешь ты гидроакустиком, Голубев! — сказал старшина.

— А что это такое? — спросил Лёня.

— А это тебе после расскажут!

Лёня вспоминает

Раненько-раненько было. А пчёлы уже трудились, гудели над цветами.

— Деда! Во сколько же они встают? — удивился Лёня. — Часов в пять?

Дед ничего не сказал. А когда настала ночь, подвёл Лёню к улью, велел приложить ухо к деревянной его тонкой стене... Там слышался мерный шорох, копошение бесконечного количества лап, деловое гудение. Пчёлы строили соты.

— Ещё не спят? — опять удивился Лёня.

— Они никогда не спят! — тихо ответил дед. — Сколько им отпущено жизни, всё работают, работают...

Про что треска трещит

Стал Лёня осваивать свою новую профессию... Из дома приходили письма про то,

сколько мёду накачали в этом году да как улы спрятали в сухие и тёплые подвалы-зимовники. Читает Лёня Голубев, вздыхает. Но голова и сердце заняты совсем иным. Он должен среди шумов узнавать «тот самый». Ведь, оказывается, океан очень разговорчив!

Беззвучно вращаются катушки магнитофона. В учебном классе тишина. Осеннее солнышко светит. А моря-океана отсюда и не видать... Вот в зелёном окошке прибора подводник увидел яркую точку. Что это? Может, чужая подлодка. А может, и торпеда, которую выпустил чужак. А может... Гидроакустик осторожно поворачивает ручки — подстраивает прибор... Есть, услышал! Ползёт точка по глубине — пищит, скрипит.

— Запомните эти сигналы,— раздаётся голос старшины Старшинова.— Это кит.

— Кит?!

— Сам-то он большой,— улыбается старшина,— а пищит, как маленький... А это шелестение слышите? Стая селёдки! А это треска трещит.

Слушает Лёня, удивляется, запоминает голоса моря: и настойчивый далёкий говор волн, бьющихся где-то о берег, и урчание, сопение ещё неведомых науке существ, идущее из самой глубокой глубины. Интересно делается, и немножко жутко, и весело...

Но вот включил старшина другую запись. Глухо зарокотало в наушниках. Он!.. Тща-

тельно прислушиваются акустики к шуму чужих кораблей: подлодок, крейсеров, авианосцев, ракетных катеров... Это лишь в фантастических рассказах у подводной лодки большие и светлые окна, через которые всё можно разглядеть. На самом деле, лодка движется под водой вся закрытая, словно стальная игла. Увидеть и услышать, что там ждёт её впереди, она может только своими приборами. Поэтому лучше учись, матрос Голубев, осваивай военноморскую науку. Слишком многое от тебя зависит!

Вот, значит, как будет

А подводных лодок всё не показывали будущим подводникам. Старшина Старшинов отвечает кратко: «Пока не положено». И кончено! Спорить не пробуй. И неудовольствие своё оставь при себе.

Но всё же Лёня нашёл выход. Иначе, какой же он был бы матрос. Есть в городе Военноморской музей, а при музее стоит подводная лодка, знаменитая героиня, отличившаяся во время Великой Отечественной войны.

И вот увольнение. Морячки-новобранцы разбрелись кто куда: город большой, интересного много. Матрос Голубев шагал в музей, на подводную лодку.

Она стояла у самого моря. И казалось — будь волны чуть сильнее, — могли бы дотронуться

до глухого железного бока. Но лодка стояла на берегу. В её высоком борту проделана дверь, и туда спокойно входили люди, предъявляя билеты.

Внутри было уютно, прохладно. По отсекам гулял сквознячок. Лёня вспоминал рассказы старшины Старшинова о том, какую нелёгкую службу несут подводники в тесных своих отсеках. Как жарко и трудно бывает иной раз дышать на глубине, как, настоявшись вахту, падают спать, не замечая того, что жестковата коечка, уложенная прямо на боеприпасы.

Моряк, который нёс в лодке почётную вахту, улыбнулся на Лёнину растерянность:

— Это ведь музей! Тут не обязательно, чтобы люди через силу дышали, чтоб они каждую минуту бились о разные железки. Приборы убраны... Вот хочешь, могу тебе рубку гидроакустика показать. Там всё как было.

Вахтенный открыл маленькую дверь. За ней оказалось помещение едва ли больше, чем платяной шкаф. И всё в этом «шкафу» было обвешано или заставлено приборами — железными ящиками с круглыми и маленькими окошками. В окошках цифры, стрелки... Где же здесь ещё и человеку поместиться, в такой тесноте!

— Что же ты, проходи, — сказал вахтенный. И сам прошёл: пригнулся, выпрямился, снова пригнулся, сел на крохотную баночку. Вышел

так же ловко.— А ну-ка, занять место на боевом посту!

Лёня протиснулся в каютку. Сел, задевая железные ящики плечами и головой... Он увидел свои родные наушники, круглый экран индикатора, в котором должны появляться светящиеся точки. «Цели», как говорят на боевых кораблях.

Из другого отсека доносился разговор экскурсантов. Но Лёня уже не слышал ничего. Лодка, думал он, вот, значит, как будет... Почувствовал, что сидеть неудобно, хотел немного пошевелить ногами и сразу упёрся коленями во что-то холодное, стальное... Вот, значит, как будет!

Что такое подвиг

А ведь эта лодка всю войну прошла. Фашисты боялись её как огня. Если она отправлялась в поход, значит, враг не досчитывался ещё одного корабля! А военный корабль — это огромная сила, целый плавающий город. Вооружён до зубов, охраняет себя со всех сторон. Но та лихая подлодка умела подобраться даже к самому страшному кораблю. Командир её, совсем молодой человек, имел Звезду Героя. А в команде не было ни одного человека, на груди которого не светился бы орден...

Ох, как люто ненавидели фашисты нашу смелую лодку. Придумывали хитроумные за-

падни... И однажды удалось — заперли лодку в небольшой бухте!

Вражеские корабли утюжили бухту, бросали глубинные бомбы. Невидимо лодка лежала на дне. Но ведь её могли услышать. И командир приказал выключить все моторы.

По лодке шёпотом был передан приказ:

«Никому не двигаться!» А воздух становился густым и жарким. Всё меньше оставалось в нём кислорода. Эх, включить бы фильтры. Нельзя — шум... И сидели, задыхаясь, теряя сознание. А за бортом бухали взрывы. Это фашисты снова бомбили бухту — аккуратно, ровненько. словно грядку засевали... Грохот то удалялся куда-то, то рвал воду совсем рядом. И не было спасения еле живым, задыхающимся морякам, кроме одного: собрать всё мужество и ждать. И ничем не выдать себя!

Так прошли сутки. Наконец фашисты решили, что лодка погибла, и ушли... Теряя сознание, командир включил механизм для очистки воздуха. Лодка медленно-медленно стала оживать. Теперь бы всплыть, теперь бы подышать прохладным морским ветерком. Ведь так мало надо подводнику...

Но последовал приказ: «Корабль приготовить к бою и походу!» И лодка пошла в погоню за вражеским караваном.

Море было спокойным, и всё кругом было спокойно. Вдруг самый большой корабль каравана вздрогнул от ударов нескольких точных торпед и начал тонуть.

«Кто вас атакует? Кто атакует?» — нервно запрашивала база.

И фашистский радист с ужасом ответил:
«Призраки!»

Дед собирался осматривать ульи. Ворчал: — Ох, погода!.. Не миновать дождя. Пчела сегодня сердитая! — и надевал толстые штаны, толстую ковбойку, шляпу с густой сеткой на лицо и шею.

— Неужели так опасаетесь их? — усмехнулся дачник Митя. — Ай да пчеловод!

— Я их не боюсь, — отвечал дед, наглухо застёгивая ворот рубахи. — Несколько жал — что они мне? Да и пчелиный яд целебен... для нас. А для неё: укусила — жала лишилась, жизни лишилась... Не за себя я боюсь. Мне их надо уберечь!

А если вдруг авария?

Про подвиги очень интересно читать или слушать: сидишь, переживаешь. Но вот если самому там оказаться, «внутри подвига»?

Лёня — человек очень мирный, в настоящие серьёзные переделки раньше не попадал. Однако скоро ему такая возможность представилась.

Старшина Старшинов построил их, и — шагом марш! — они отправились на полигон борьбы за живучесть. А что это такое? А это особые помещения, где молодые матросы учатся тушить корабельные пожары, заделывать разные пробоины, учатся водолазному делу...

Лёня шагал в ногу, распевал строевую песню с лихим припевом: «Ты красотка, милая подлодка», а сам размышлял. Он уже понял: армия — это тебе не школа и не пчелиное ПТУ. Здесь надо всё схватывать быстро. Лучше — с первого раза. Поэтому Лёня шёл, а внутри себя готовился: сразу прийти и сразу начать бороться за живучесть.

Но бороться пока ни с кем не потребовалось. Они пришли в простой учебный класс, где им стали рассказывать, как надо себя вести в опасной ситуации — например, если корабль получит пробоину.

Через несколько дней они перешли в другой класс, где стали учиться заделывать пробоины всухую...

Стена, к ней приделан кусок трубы. Ты по команде хватаешь специальные приспособления и начинаешь эту пробоину заделывать.

Старшина Старшинов смотрит на секундомер:

— Так, матрос Голубев выжил, матрос Шаландин утонул... Что же ты, Шаландин? А ещё такая «водоплавающая» фамилия!

А Слава Шаландин глазами невинно похлопывает.

— А что, — говорит, — товарищ старшина, разве лодки очень уж часто тонут? Мы что-то не слышали...

— Не слышали вы, матрос Шаландин, потому, что на подлодках служат отмен-

ные моряки. И чтобы вам таким стать, после занятий останетесь на самоподготовку. Ясно?

— Ясно,— отвечает Славка кисло-сладким голосом: мол, придирается старшина.

Глядя на это, нахмурился бывалый моряк:

— Лодки действительно тонут очень редко. Но вам, Шаландин, вполне хватит и одного раза...

Как там Шаландин учился на самоподготовке, Лёня не знал. Но зачёты по теории сдали все. И вот начались практические занятия...

«Лишь бы мне не с Шаландиным досталось»,— думал Лёня.

Но ему досталось именно с Шаландиным!

Два матроса и пробойна

Они влезли в учебный отсек, железную продолговатую комнату с полукруглым потолком, услышали, как старшина Старшинов плотно задраивает люк... Пахло сыростью, было холодно и парко, словно в нетопленной бане.

— Надо спасательные средства проверить,— сказал Лёня излишне бодро.— Так, вот они: зажимы, пластыри, упоры...

Шаландин стоял у стены, напряжённо озираясь.

— Слушай, Лёнь, а как мы отсюда выбираться будем в случае чего?

Спокойно, сказал себе Лёня, злиться я не

буду, нам сейчас надо... Но что им сейчас надо, решил уже не Лёня. Коротким лаем загрохотал звонок. И сейчас же из железной стены — переборки — ударила вода. Секунду Лёня смотрел на неё. Но только секунду!

— Слава! Распорку!

И сам уже схватил длинную железную палку-распорку, на конце которой приделан толстый круг. Этот круг матросы уткнули в пробоину. Теперь надо было раскрутить специальную ручку, чтобы распорка стала длиннее и

другим концом крепко упёрлась в противоположную стену. Шаландин крутил что есть сил. Но палка не удлинялась. Наоборот! Она укорачивалась.

— Быстрее! — Лёня оглянулся. — Да что же ты делаешь?!

Шаландин, оказывается, крутил не в ту сторону... А воды в помещении было уже почти по пояс. Стал Славка крутить в обратную сторону, а секунды-то идут. И вдруг снова заголосил звонок тревоги. Наверху, почти под потолком, начало хлестать из трубы. Тяжёлая струя ударила вниз. И надо же — точно Лёне в затылок... Держись, рязанец!

Но здесь Шаландин сделал несколько последних поворотов ручкой. Задраено!.. Но из трубы-то хлещет. Лёня схватил приспособления, которыми заделывают трубы.

— Давай-ка, Славик, подставь мне спину! — кричит Лёня. — Я иначе не дотянусь!

Нагнулся Шаландин — голова под водой оказалась. Э, думает, нетушки!

— Слышь, Голубев, я ее сам заделаю. А ты меня поддержи!

Не стал Лёня спорить, не стал говорить, что он бы аварию быстрее устранил. Вдохнул поглубже, нагнулся. Теперь Славка мог стать ему на спину, как на табурет...

Под водой ещё сильнее был слышен грохот летящей струи. Тут Лёня почувствовал, как Шаландин взбирается на него. Сперва колен-

кой упёрся в хребет, потом каблуком поиграл на Лениных рёбрах. Ну, делай же ты! Скорее!.. А Шаландин возится. А стоять без дыхания уже нету сил. Лёня хотел разочек воздуху глотнуть... Эх! Сверху на него упало что-то похожее на тяжёлый мешок. Лёня вынырнул, с наслаждением вздохнул... А воды уже почти по шейку, и она по-прежнему хлещет из трубы. Ничего не сумел сделать Шаландин! Тут и он вынырнул на поверхность.

— Где заплата?! — кричит Лёня. — Где зажим?!

— Утопли!

Лёня нырнул раз, другой... Да что там увидишь, на тёмном дне, при свете лампочки изпод потолка. А воды уже выше головы. Барахтаясь, Шаландин колотил кулаком в гулкую стену.

— Прекрати, трус! — кричит Лёня и вдруг замечает, что у Шаландина из-за пазухи торчит та самая заплата. Одной рукой он хватается за заплату, другой отстёгивает свой матросский пояс, на секунду погружается в воду, выныривает, плывёт к дырявой трубе, накладывает заплату, обкручивает её поясом...

И вдруг тишина. Не грохочет больше вода. Лёня висит на поясе, стараясь как можно плотнее прижать им заплату. Вода больше не прибывает.

Шаландин плывёт к Лёне:

— Э, Голубев, не говори ничего старшине.

Хотел ему Лёня ответить... что следовало!
Но вместо этого выдал из себя:

— Ладно.

И не знали они, что Старшинов стоит перед экраном телевизора, и отлично всё видит, и хмурится, и качает головой.

Справа по борту борщ

С того дня много времени прошло, больше трёх месяцев. Славка Шаландин ушёл служить в авиацию, правда, поваром. И отсеялся не он один: служить на флоте, да ещё в подводниках,— особый труд и особая честь.

Но эту честь заслужил Лёня Голубев, бывший пчеловод, ныне гидроакустик.

Не забыть Лёне, как в первый раз попал он на лодку вместе с ещё пятью новичками.

Переходный трап — тот, что от берега к лодке,— чуть поигрывал под бывшими новичками: то ли оттого, что доски были тонковаты, то ли оттого, что молодые матросики побаивались... волновались.

Опытные моряки с явным удовольствием смотрели на молодых. А сами так и выкатывали грудь колесом. Говорили степенно, редко — и потом: «Ну, понятно? Или повторить?»

А тут еще случилась одна незадача! Двое матросов тащили на камбуз чищенной картошки котёл, по-флотски — «лагун». Тащат его ребята, а коридорчики уж до того узки — вдвоём и не

разойтись. Старшинов, опытный подводник, успел шагнуть в крохотное помещенье, которое оказалось потом кают-компанией, а вот Лёня остался посреди коридора... Как ребятам дорогу дать? Впереди шёл здоровенный усатый матросище. Он как гаркнет:

— Смирно!

Лёня весь невольно вытянулся, живот сам собою ушёл под рёбра. Лагун в эту образовавшуюся щель и проплыл. Но конечно, под смех, под шуточки.

Потом новички разошлись по своим будущим постам — где им в скором времени предстояло нести службу: мотористы-электрики к моторам, рулевые к рулевому управлению. Лёня с грехом пополам проник в свою каютку акустическую.

Ему говорят: «Ну чего же? Давай, парень, покажи, что умеешь?» И подают наушники. Надел их Лёня — ничего не слышать!

А это бывает от волнения — нападает на человека временная глухота. Надо её перебороть. Оглянулся Лёня на Старшинова, а тот чего-то подмигивает... Чего бы это он подмигивал?

И понял Лёня, в чём штука! Слышу, кричит, слышу щель! Тут все обрадовались, дальше некуда. И что же это, спрашивают, за щель? Может, определишь по звуку, что там в океане завелось?

— Даю полную классификацию! — строго

отвечает Лёня.— Слышу кастрюлю с борщом. Время-то обеденное!

Тут все, кто был рядом, так принялись хохотать, что прибежали из других отсеков: «Ай да новичок! А всё же признайся, не заметил сперва, что мы приборы отключили?»

Когда расселись в кубрике, когда разлили того самого, «услышанного» Лёней борща, опять вроде началось веселье.

— Зря гогочете, братва,— говорит Старшинов.— Вы ещё не раз спасибо скажете, что этого хлопца к вам прислали!

Лёня вспоминает

Взяли они котёнка. Хорошая такая кошечка получилась, дымчатая. Назвали её Мурка.

Но любимое занятие кошачье известно — разбой. Лягушат она мучила, жуков лапой била. За пчёл принялась...

Дед вбежал в дом, крикнул, с трудом переводя дух:

— Лёнюшка! Мурку спасай!

А Мурка, по своему глупому кошачьему разумению, забралась от пчёл на дерево — на яблоню. Тут-то они её и достали.

Лёня, сердясь и смеясь, забрался на старую яблоню... Хорошо, дымарь был разведён — густой ватной струёй дыма ударил по Мурке... Раз, другой! Пчёлы отлетели прочь, но вились поблизости, грозили!

Мурке дым этот был противен до смерти. Однако терпела — только мордой ворочала да чихала...

Дуэль

И ещё сколько-то времени прошло. Может быть, год, а может, и больше. Всё чаще Лёне снились рязанские луга. Но всё чаще он думал: не остаться ли ему на флоте? Пчеловод — профессия нужная. Однако сейчас — что же поделывать! — нужнее Родине хороший акустик. А старшина Голубев именно был хорошим...

Он лежал на своей коечке в узкой нише у самого выхода из отсека. Было темно, тихо. Темно, потому что Лёня лежал с закрытыми глазами, а тихо, потому что в уши он вставил ватные тампоны. Через полчаса ему надо было заступать на вахту, и Лёня хотел получше отдохнуть. Он и думать старался о далёком — о том, как снимает с улья железную крышу, убирает ватную подушку (она предохраняет улей от жары), потом осторожно отклеивает матерчатый потолок, насквозь пропитанный медовым духом...

Потрясли за плечо. Он открыл глаза, вынул из ушей тампоны.

— Леонид Леонидович, на вахту!

Конечно, старшину второй статьи не зовут по имени-отчеству. Это шутка. Но в каждой шутке есть доля правды!.. Быстро Лёня делает несколько наклонов, приседаний, приводит

себя в порядок... Сегодня особая будет вахта, ответственная. Сам адмирал проверяет боевую готовность кораблей!

В такой-то квадрат, по-видимому, выходят две лодки. Им надо найти друг друга и торпедировать. Настоящая дуэль!

А что это такое — «определённый квадрат»? А это огромный кусок океана — десятки миль пустынных волн, и пустынного неба над ними, и серых рваных туч...

Старшина Голубев привычно осмотрел аппаратуру, по внутреннему радио связался с Главным командным постом:

— Прошу разрешения заступить на дежурство!

— Добро! — послышался в ответ голос командира.

Надел наушники. Сразу десятки звуков сбегались к нему. Вот словно рассыпались звонкие орехи — это дельфиниха объясняла что-то своему дельфинёнку. Потом в наушниках промелькнули брань, причитания и плач рыбьей стаи, на которую только что нападала акула. А счастливые креветки болтали напропалую, и все сразу, как малыши в детском саду. Где-то стороной прошёл писк кита. И пропал... А ещё будто гудел, настраивая инструменты, огромный оркестр. Это говорила перемешанная штормом вода: тёплая поднималась к поверхности, холодная уходила в глубину.

На экране в это время появлялись и пропада-

дали какие-то неясные тени, пятна, расплывчатые фигуры. То вдруг высыпали странные созвездия точек. А надо было искать иголку в стоге сена! Лёня по чуточке подворачивал ручки приборов... «Противник» был где-то здесь. Он тоже подкрадывался. И может быть, чужой акустик уже радостно докладывает координаты лодки...

Тут он и увидел на экране точку. И почти тотчас услышал её «голос». И эту точку и этот голос нельзя было перепутать ни с чем. Она была где-то страшно далеко, приборы едва её цепляли. С огромным трудом Лёня мог увидеть и услышать её сквозь шорохи и писк, сквозь блики и тени. Но это было как раз то, что нужно: «противник» пойман на предельном расстоянии, и, значит, Лёнин командир мог следить за ним и сам оставаться в засаде!

Командиру очень хотелось сказать старшине Голубеву, какой тот молодец, но сейчас было не до того, к сожалению.

— Классифицировать контакт! — услышал Лёня приказ.

Это значит, что он должен был определить расстояние до противника, его скорость, направление, определить, что это за корабль...

Прошли считанные секунды, и на боевой информационный пост стали поступать данные. Тут же за дело принялись электронно-вычислительные машины. Они подсказали, куда и с какой скоростью должна двигаться лодка,

чтобы встретить противника и атаковать в самом неожиданном месте.

Наверное, странное было зрелище для морских обитателей. Вот двигалась огромная железная рыба. Вдруг сделала плавный поворот и ушла неведомо куда, в глубину...

Скрыто и стремительно лодка шла к тому месту, которое вычислили приборы. Здесь нужно затаиться и ждать. Замерли торпедисты у своих аппаратов, напряжённо ждёт командир. Но больше всех волнуется гидроакустик. Ведь если он хотя бы немного ошибся, его собственная лодка может стать уже не стрелком, а мишенью... Тишина. Только секундная стрелка бежит по циферблату. Старшина Голубев слушает, слушает, вглядывается в экран. Опять переругиваются о чём-то рыбы, опять...

— Вижу цель! — так трудно сделать голос спокойным.

И почти сразу звенит сигнал тревоги. Торпедные аппараты к бою!.. Есть!.. Залп!

Пошли торпеды — стремительные, неумолимо точные. Вот они. Лёня видит их след на экране. Приближаются к подводному кораблю противника, и... что-то неуловимо изменилось в поведении того корабля: это их акустик уловил почти невидимо мчащиеся заряды... Нет. Слишком поздно! На Лёнином экране яркий всплеск. Торпеды попали в цель!

Окончен учебный бой. Да, учебный: торпеды были не боевые, и прошли они чуть в стороне, и сработало, конечно, не взрывное, а радиоустройство. Но если надо, если решится непрошенный...

Вахта ещё не кончена. Лёня продолжает слушать море. Но улыбка никак не сойдёт с его губ. Хорошо жить, когда работа сделана отлично, когда ты не подвёл друзей! В подводной лодке или все побеждают, или все погибают. Так сказал один легендарный теперь капитан.

Прощайте, пчёлы!

Кто-то трогает Лёню за плечо... Вахта кончилась. Теперь только Лёня и почувствовал, как устали глаза, как затекли ноги. Лёня вышел в коридор, с наслаждением потянулся... Путь его лежит через Главный командный пост. Лёня ждёт, когда освободится командир.

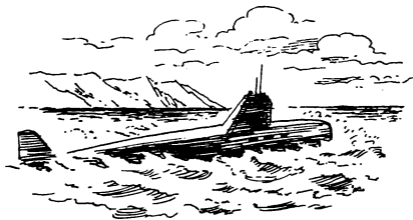
— Прошу разрешения! — так на флоте принято обращаться к старшим по званию...

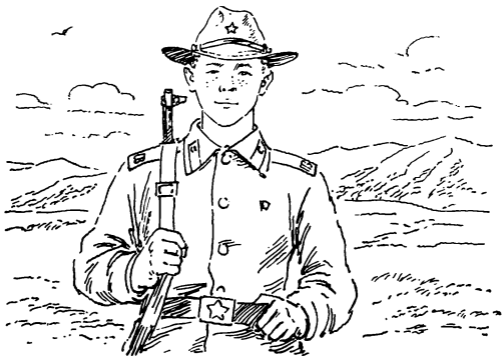
Лёня уже давно решил. И всё не мог решиться! И рапорт даже немного потёрся в кармане: «Прошу допустить меня к экзаменам в Высшее военно-морское училище...» Значит, прощайте, пчёлы! До свиданья, рязанская земля! С сегодняшнего дня и навсегда океан станет родным Лёниным домом... «На берегу — в гостях, в море — дома!» Это слова великого русского флотоводца Макарова.

Но рапорт ещё не отдан. Ещё можно решить по-другому. Нет! Решено!

И командир, словно угадав, что собирается сказать старшина Леонид Голубев, крепко жмёт ему руку.

А лодка медленно всплывает. И если сейчас глянуть в перископ, то можно увидеть спокойные волны, и мирное небо, и белые облака, которые день за днём, вахта за вахтой надо беречь от войны.

Владимир Карпов

СОЛДАТСКАЯ КРАСОТА

Художник Прокофьев щелчками сбивал пыль с рукавов. Он прошёл только от ворот до штаба части и будто побывал в мешке с пылью. «Как здесь служат эти военные? — подумал он. — Какая бедность красок. Земля, дома, лица людей — всё одного цвета, цвета пыли».

Прокофьев поругивал себя за неприятную затею. Портрет солдата-отличника можно написать в любом месте, незачем было ехать в Среднюю Азию. Но теперь рассуждать поздно, придётся работать здесь. И вот после зна-

комства с командованием и соблюдения неизбежных в таком случае формальностей Прокофьев сидел рядом с командиром батальона майором Кругловым в тени карагача. Перед ним стоял, смущённо переминаясь с ноги на ногу, солдат Антошкин.

Майор смотрел на солдата с восхищением. Антошкин лучший из отличников. А Прокофьев думал: как бы не обидеть его отказом. Антошкин мал ростом, у него невыразительное лицо, большие уши, плохо очерченный рот.

— Теперь мы с вами познакомились и, я думаю, ещё встретимся,— сказал наконец Прокофьев.

Майор отпустил солдата и спросил:

— Ну, как?

Художник виновато отвёл глаза и ответил не сразу.

— Видите ли, живопись такое искусство, которое воспринимается зрительно. К картине нельзя приобщить какие-либо комментарии и пояснения. Всё должно быть высказано на полотне. Ваш солдат хорош в службе, но внешние данные... Вы, вероятно, слышали, о людях говорят: у человека нефотогеничная внешность? Вот и товарищ Антошкин не то... Понимаете?

Майору никогда не приходило в голову, что Антошкин может кому-нибудь не понравиться. Он искренне уважал солдата за честную службу, живость и расторопность. Комбат как-

то ни разу даже не подумал о том, что Антошкин некрасив. Наоборот, смыслённый и подвижный, он был ему приятен не только делами, но и внешностью.

Решив, что художник просто не рассмотрел солдата, Круглов не стал перечить и предложил:

— Давайте познакомлю с другими.

Прокофьев охотно согласился, и они пошли по расположению батальона.

Художник с интересом осмотрел казарму. Он простодушно восторгался выравненными кроватями, абсолютно одинаковой заправкой постелей, аккуратной подгонкой шинелей на вешалке, в общем, всем тем, что благодаря однообразию создаёт строгую военную красоту. Больше всего его поразило то, что в казарме не было ни пылинки.

Круглов, в свою очередь, приглядывался к художнику. Он был пожилой, полный, с хорошим открытым лицом. Держал себя свободно, без рисовки. К солдатам обращался просто. Охотно шутил над своей неосведомлённостью в военных вопросах. С ним было легко разговаривать.

С этого дня командир батальона часто встречал Прокофьева. Художник бывал на занятиях, на зарядке, на чистке оружия. Он искал нужного ему человека, но не мог найти.

Майор узнавал художника издали — Прокофьев никак не мог привыкнуть к местной

пыли, ступал осторожно, будто по грязи, стараясь спасти от неё свои изящные сандалеты.

Однажды Прокофьев сидел за этюдником на стрельбище. Круглов подошёл к нему, сел рядом. На небольшом листе фанеры было нарисовано стрельбище. Оно было так похоже, как будто майор видел его в уменьшающие окуляры бинокля.

— А здорово у вас получается! — сказал Круглов.

— Ничего у меня, дорогой майор, не получается, — грустно ответил Прокофьев. — Всё это не то. Нет главного. Нет смысла. Вы видели когда-нибудь картину художника-демократа Ярошенко? Она написана до революции и называется «Кочегар».

— Нет, не приходилось.

— У меня есть открытка. — Прокофьев достал из этюдника открытку и показал её комбату. — Вот смотрите: перед вами просто стоит человек, и больше нет ничего. Но взгляните. Кочегар угрюмый, измученный. Мрачная котельная, где он находится, давит его, это могила. Здесь этот человек оставил силы, здоровье, молодость. Здесь он оставит и жизнь. Посмотрите на его глаза — сколько в них безысходной тоски! Глядя на изображение рабочего, вы легко представляете всю его судьбу. Больше — целый класс! Всю старую Россию! Перед вами не картина, а глава из «Капитала». Вот так же должен быть насыщен

смыслом и портрет, который хочу написать я.

— Ну и пишите здорового, молодцеватого служаку,— живо предложил майор.— Это будет типично. В наше время человек не может быть таким задавленным, как этот кочегар.

Прокофьев улыбнулся:

— Вы правы, милейший майор. Но это будет плакат. А мы с вами должны создать картину. Это страшно трудно. Жизнь настолько многообразна, что её никак не втиснешь в маленький кусочек полотна. Вы читали, как ругают кинороботников за то, что они не могут полно показать жизнь нашего современника?

— Да, им достаётся,— согласился майор.

— У них тысячи метров плёнки, состоящей из десятков тысяч кадров. А у меня один-единственный кадр. Я должен быть драматургом и режиссёром, создать сюжет, поставить его, оформить сценически и написать. Да так всё это сделать, чтобы в картине было не меньше смысла, чем в фильме. И всё в одном кадре!

— Трудновато,— сочувственно сказал майор.

— Но не невозможно!— весело подхватил Прокофьев.— Разве в «Бурлаках» Репина меньше мыслей, чем в любой кинокартине? Жизнь надо хорошо знать. Жизнь! Умозрительно можно много насочинять, а шедевры таятся в жизни. Вот за этим я к вам и приехал.

— У нас, военных, тоже говорят: можно предположить сто вариантов боя, а он сложится по сто первому. По самому жизненному.

— Как вы сказали? — живо спросил Прокофьев. — Повторите, пожалуйста.

Круглов повторил.

— Да, бой... — задумчиво сказал художник.

Майор видел, что художник сказал это для себя, глаза его были устремлены куда-то далеко.

— Ну конечно, для боя! — вдруг радостно, будто подводя итог своим размышлениям, проговорил Прокофьев. — Ведь всё, что вы делаете — строевая, физическая подготовка, стрельба, выравнивание кроватей, — всё это, в конечном счёте, для боя, для того, чтобы победить. Правда?

— Правильно, — подтвердил майор.

— Вот это и есть главное! Я только сейчас понял. Как удачно вы натолкнули меня на эту мысль. Вот спасибо!

— Я ничего особенного вам не сказал, — смущённо возразил Круглов, — это все знают.

— Все знают, и я, конечно, знал. Но сейчас, почему-то только сейчас, я отчётливо понял, что это и есть та фокусная точка, куда должны быть направлены мои мысли и усилия. Я тоже должен свести всё в один момент, в такой узел, в котором проявятся и строевая, и тактика, и дисциплина, и закалка. Но как это сделать? Ведь вы сами изучаете все эти элементы отдельно.

— Нет, — возразил майор, — у нас бывают учения, где все эти качества проявляются в комп-

лексе. Вот в среду будет ротное тактическое учение с боевой стрельбой. Приходите, может быть, что-нибудь и найдёте. Учения — тот же бой, только учебный.

— С удовольствием, обязательно приду, — пообещал художник.

В среду, рано утром, когда воздух ещё был холодный, а из-за горизонта только начинал разливаться по небу солнечный свет, Прокофьев приехал с майором на учебное поле.

Рота уже заняла исходное положение. Но на поле не было видно ни одного человека. Было тихо. Только жаворонки перекликались в небе. Они замирали на мгновение в воздухе, будто разглядывали замаскированных солдат. Когда раздались первые взрывы, имитирующие артподготовку, птиц будто смело взрывной волной, они испуганно пискнули и исчезли.

После артподготовки рота пошла в атаку. Солдаты появились на поверхности земли все разом, словно их вытолкнула из траншеи пружина, приведённая в движение одним человеком. Они пошли быстрым шагом. Застучали хлесткие выстрелы. Движение всё ускорялось. Прокофьев едва поспевал за майором. Темп нарастал. Художник уже чувствовал, что не может быстрее передвигать ноги. А солдаты всё ускоряли шаг. И вот в тот момент, когда Прокофьев готов был остановиться, вдруг, как горный обвал, загремело «ура!». Этот крик подхватил художника и понёс вперёд. Он забыл

всё. Забыл, кто он. Забыл, зачем пришёл. Забыл о деталях и красках. Пафос атаки поглотил его. Даже то, что он бежит, Прокофьев понял спустя некоторое время, когда не стало хватать воздуха и больно закололо в левом боку.

Заметив, что художнику плохо, майор помог ему взойти на холм и сказал:

— Посмотрим отсюда.

Стройная цепь, как штормовой вал, неслась вперёд. Мишени группами появлялись то там, то здесь. Их мгновенно засыпали всплески пыли, поднимаемые пулями. Огонь был организован хорошо. Майор улыбался. Но вдруг лицо его стало строгим.

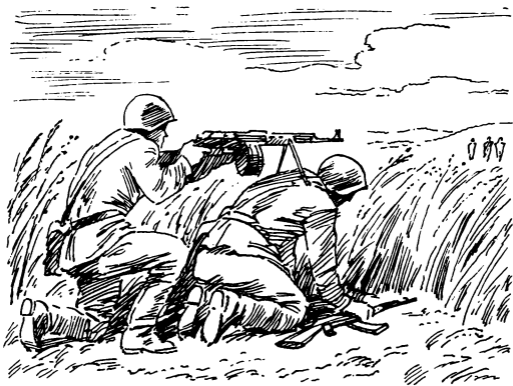
Рота спускалась в ложину, поросшую высокой травой. Трава закрывала людей до пояса. На правом фланге появилась группа мишеней «противника», но её никто не обстреливал.

— Неужели не видят? — с досадой сказал майор.

И, как бы отвечая ему, правофланговые пулемётчики открыли огонь по этой цели. Однако в районе цели рикошеты не появились.

Прокофьев видел, как пулемётчик встал из травы и попытался стрелять стоя, но цель осталась непоражённой. Расчёт перебежал и вновь залёг. Серdito прострочили две очереди, но желанных облачков пыли около цели опять не показалось.

— Трава проклятая! — зло сказал майор. — В бою эта группа противника могла остановить

атаку. Огонь с фланга самый губительный.

Пулемётчики, видно, хорошо понимали это. Они всё же пытались подавить цель на фланге.

— Надо было скосить траву,— с сожалением сказал Прокофьев.

— А в бою? — спросил майор.— Разве противник позволил бы? Вот такая мелочь может перевернуть все предполагаемые варианты...

— Смотрите! Смотрите! — вдруг перебил Прокофьев.

Круглов уже и сам видел, как пулемёт вдруг поднялся из травы, прочно остановился над её верхним обрезом и наводчик, встав на колени, послал в цель точную очередь.

— Как они это сделали? — спросил удивлённый художник.

— Не понимаю. Может быть, нашли пень или кочку?

В следующий миг всё стало ясно. Наводчик поднял пулемёт, и из-под него выскочил помощник. Они перебежали вперёд. Наводчик поставил пулемёт помощнику на спину, и новая очередь поразила мишени.

— Ах, стервецы! Молодчины! — воскликнул комбат. — Вот он, сто первый вариант, товарищ Прокофьев!

— Кто же это такие?

— Не знаю. Давайте догоним!

Прокофьеву не терпелось взглянуть на героев. Случившееся всколыхнуло в нём трепетный прилив энергии — верный предвестник вдохновенной работы.

Они поспешили за ротой, перемежая бег с ускоренным шагом.

«Обязательно буду писать этого пулемётчика, — думал художник. — У него и выдержка, и смекалка, и физическая сила. Вот воинская красота человека».

Ещё на половине пути Прокофьев услышал сигнал «отбой». Когда они подошли к роте, она уже была построена. Командир доложил комбату о выполнении задачи. У него весело блестяли глаза. Да и у всех солдат были радостные лица, они будто говорили: «Вот какие есть среди нас!»

— Расчёт правофлангового пулемёта, выйти из строя! — приказал майор.

Два солдата — высокий и маленький крепыш — шагнули вперёд.

— Кто придумал? — коротко спросил майор.

— Это всё он, — сказал здоровяк, кивая на помощника.

Прокофьев оторопел от неожиданности, перед ним стоял... Антошкин! Глаза его лукаво блестели, лицо с грязными потёками пота светилося задором. Это был совершенно другой Антошкин. В старенькой, выгоревшей гимнастёрке, он стоял вытянувшись в струнку и был необыкновенно красив. Даже уши у него оказались небольшие.

«Как можно ошибаться в людях, — подумал художник. — Вот уж истинно — красота человека в делах, а не во внешности».

Майор объявил расчёту благодарность и обратил внимание всех солдат на то, как второй номер, на первый взгляд не такой уж ответственный по должности человек, может совершить подвиг, решающий судьбу боя. Если бы фланкирующий пулемёт не подавили, атака могла захлебнуться!

Возвращаясь с майором в город, Прокофьев попросил:

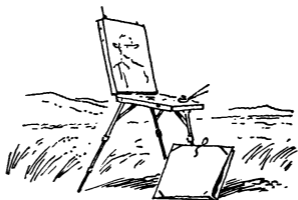
— Вы уж, пожалуйста, разрешите мне на несколько сеансов взять товарища Антошкина.

— Так у него же нефотогеничная внешность, — сказал Круглов, стараясь не улыбаться.

— Не бейте лежачего, товарищ майор, это неблагородно.— Художник засмеялся.— В живописи тоже, как видите, существует сто первый вариант. Но какая прелесть этот Антошкин. Я просто не смогу писать никого другого. Мой портрет должен быть именно таким: простой советский юноша в выгоревшей форме, нелёгким ратным трудом добывает он военное мастерство. Не парадная начищенность, а грязные дорожки пота, обожжённое солнцем лицо, пыль на носу и бровях. А в глазах смекалка, упорство, мудрое понимание, что весь этот труд нужен для надёжной охраны мира.

— Ну что ж, пишите. Я скажу, чтоб его отпустили.

«Газик» вилял между выбоинами на дороге. Пыль серой завесой вставала за ним. Когда шофёр тормозил перед ухабом, густое облако пыли нагоняло машину и заволакивало её с головой. Пыль тонким слоем покрывала лицо и одежду художника, но он этого не замечал. Он был возбуждён, говорил громко, глаза весело блестели. Ему не терпелось поскорее сесть за работу.

Радий Погдин

ТРАКТОР

Василий Коновалов, новгородский парень, служил в Н-ской ракетной части. Он и его товарищи ракет на цель не наводили, не доводилось им слышать сжимающую сердце команду: «Пуск!» Были они специалисты-ремонтники.

В тот день, о котором пойдёт рассказ, отделение Василия Коновалова находилось в наряде — несло караульную службу.

Стоял Василий Коновалов на часах возле охраняемого объекта, от мокрого ветра зяб,

глядел зорко в тёмную чашу леса, иногда в небо глядел — ждал скорой смены.

В это время к караульному помещению, где отдыхали его товарищи, подъехал на мотоцикле старшина роты — он из города возвращался, — спросил солдата Василия Коновалова.

— На посту Коновалов. Вот-вот сменится.

— Передайте ему. Он просил купить. — Старшина отдал солдатам большую коробку, завёрнутую в тонкую бумагу, тесёмкой перевязанную, и уехал по своим дальнейшим делам.

Солдаты сначала положили коробку на подоконник. Потом переложили её на стол, потому что в открытую форточку дождь брызжет, мочит тонкую бумагу-обёртку.

Стоит коробка на столе. Солдаты на неё смотрят и говорят:

— Что это наш Вася такое себе приобрёл, в коробке? Может, вкусное? Может, он нас порадовать хочет угощением?

Известно, солдат кормят сытно, круто, но вот насчёт печений или тортов — в армии это не заведено.

Один солдат, по имени Андрей Васнецов, коробку даже понюхал.

— Чем-то забытым пахнет, — сказал.

Другой солдат, по имени Максим Кожин, случайно тесёмочку задел. Бантик, само собой, развязался.

Ветер из форточки дунул, бумагу тонкую

отогнул. И солдаты увидели на картонной коробке крупную надпись: «Трактор».

— Ого,— сказали они.— Трактор.

— Интересно, гусеничный или колёсный?

— А может быть, шоколадный...

Трактор оказался железным, колёсным. Оранжевого цвета. «К-700». С пружинным мотором.

Солдаты стали передавать его из рук в руки. Своё мнение высказывают.

— Ходовая часть жидковата,— сказал рядовой Андрей Васнецов.

— Трансмиссии никакой,— сказал рядовой Булат Хаджибеков.

— На ходу испытать нужно,— решили все.

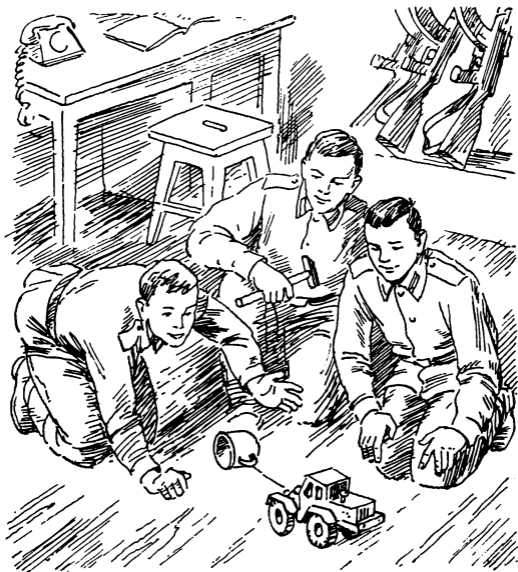
Завели они трактор. Пустили по полу. Трактор на полной скорости по караульному помещению бегаёт. Солдаты за ним ползают на четвереньках. Подправляют его путь пальцем, чтобы в табуретки не стукался, краску не побил. И брызжат, сокрушаются:

— Какой же это трактор, если у него одна скорость. А если пахать? Он же степной богатырь, а не коза огородная.

В это время пришёл с поста сам Коновалов Василий.

— Чего это вы? Вместо того чтобы чайку вскипятить, игрой занялись?

— Слышь, Коновалов, зачем тебе такой трактор? Чего тебе, деньги девать некуда?— спрашивают солдаты.— Купил бы торт сладкий.

— Подарок. День рождения скоро у моего брата Алёшки. Он мне в письме написал, чтобы трактор ему. Ничего, кроме техники, не признаёт. Такой технарь — дальше некуда.

Солдаты, сменившиеся с постов, попили горячего чаю, согрелись. Трактор на столе между кружек стоит.

— А как у него насчёт мощности? — спросил

Коновалов Василий.— Насчёт мощности не пробовали?

— Нет,— отвечают ему товарищи.— Не решились. Скорость у него бойкая, а насчёт мощности не испытывали.

Завели солдаты пружину. Привязали к трактору кружку и запустили. Буксует трактор на мокром от солдатских сапог полу, но тянет.

— Кружка алюминиевая. Что в ней весу! А он должен минимум шесть пятикорпусных плугов тянуть в сцепке, а то и все десять.

Прицепили солдаты к трактору молоток тяжёлый.

Трактор ни с места, дрожит — колёса впустую крутятся. Потом вдруг хрястнуло в нём что-то внутри, тоненько завыло и смолкло.

— Эх,— сказал солдат Андрей Васнецов.— Не сдюжил. Сломался.

А тут как раз открывается дверь — входит командир взвода лейтенант Никоверов.

Солдаты, как положено, встали по стойке «смирно». Отрапортовали: мол, отдыхают в данный момент после несения караульной службы.

— А это что? — спросил лейтенант Никоверов.

— Трактор.

Лейтенант Никоверов взял трактор в руки, окраской полюбовался. Попробовал завести...

— Это что же? Зачем вы его поломали?

— Не выдержал испытания — слабый... И все агрегаты слабые...

— Соберёмся по рублику — новый купим. Потому что подарок. Для младшего брата Василия Коновалова. На его день рождения.

— Этот брат младший, стервец, ничего, кроме техники, не признаёт!

Повертел лейтенант Никоверов трактор в руках. Бровями подвигал. Поставил легонько в задумчивости.

— Что же вы будете другой покупать? Он таким же слабым окажется... Тут у него и коробки скоростей нет. И подвески какие-то жёсткие. И вообще несерьёзно устроен...

У Алёшки-то, у Коновалова, день рождения!

Мама ему костюм подарила.

Папа — велосипед двухколёсный.

Сестра Нина — книгу.

А к вечеру ближе, когда уже пришли к Алёшке нарядные друзья и подружки, подкатила на велосипеде тётя Полина — почтальон.

— Алексей Коновалов! — кричит. — Тебе тут посылка. Иди распишись в получении.

Алёшка вывел крупными буквами на квитанции своё имя, фамилию и ещё восклицательный знак.

— Это мне брат Василий прислал!

Поставили ящики на пол, отвёрткой крышку подковырнули. И обомлели.

Стоит на полу «К-700». Оранжевый. Тяжёлый. Серьёзный. Детали друг к другу подог-

наны хорошо. И всё какое-то не игрушечное. Это Алёшка сразу почувствовал.

— Не хватать! — сказал он. — Тут письмо есть. Сначала письмо прочитаем.

Стал Алёшка читать по складам. Но сестра Нина письмо у него отобрала от нетерпения.

Вот что было в нём написано:

«Алёше Коновалову на день рождения. От подразделения ракетчиков Н-ской части.

Трактор «К-700».

Под руководством лейтенанта товарища Никоверова делали:

ходовую часть — рядовые Андрей Васнецов и Максим Кожин,

трансмиссию — рядовой Булат Хаджибеков,

коробку скоростей — ефрейтор Ефимов,

мотор с двойным пружинным заводом — сержант Иванов и сержант Бодя,

окраску и никелировку произвёл рядовой Коновалов.

Пользуйся, Алёшка, вникай. Пружины к мотору изготовлены из наивысшей военной стали.

Шлём тебе солдатский привет и наилучшие пожелания».

Юрий Качаев

В ВОЗДУХЕ – ПЕРЕХВАТЧИК

Экипаж приехал на аэродром, когда уже занимался мутный рассвет. По бетонированной площадке с сухим шорохом вперегонки бежали языки позёмки. Небо было низкое, и по нему летели серые снеговые облака.

«Да, баллов шесть, синоптики правы», — подумал капитан Стрельников, подходя к вертолёту.

В машине уже возился техник, проверяя узлы и антиобледенители. Мотор вертолёта гудел сдержанно и ровно.

— Опять что-нибудь стряслось? — крикнул техник, высовываясь из кабины.

Капитан кивнул, отворачивая лицо от обжигающего ветра. Пятнадцать минут назад на заставу пришло сообщение, что обнаружено нарушение границы. Пограничники увидели на контрольно-снеговой полосе следы двух человек, которые прошли в нашу сторону.

Следы были давние, и поисковая группа заставы не сможет догнать нарушителей. Те, по расчётам, уже вышли на автостраду и могли уехать в глубокий тыл.

Оставалось одно средство — вертолёт. Поэтому экипаж Стрельникова подняли прямо с постели...

— Готово, — сообщил техник, выбираясь из кабины.

Члены экипажа один за другим влезли в вертолёт. Двигатель взревел, и машина легко поднялась из наметённого ветром сугроба.

Изредка вертолёт встряхивало, и снаружи словно стучали кулаком. Это по обшивке наотмашь хлестали снежные заряды.

«Снос — тридцать градусов, — по приборам определил Стрельников. — При таком ветре не удивительно. Сделаем поправку».

Машина шла на минимальной высоте. Внизу бежала лента автострады. Она была чёрной, потому что снег на асфальте не задерживался.

В шлемофоне капитана прозвучал голос. Говорили с заставы. Дежурный сообщал, что

местные жители видели двух незнакомых людей, когда они усаживались в попутную машину-грузовик. Номер грузовика 16-38.

«Значит, решение искать нарушителей на шоссе было правильным», — подумал Стрельников, успокаиваясь.

Автомобилей на шоссе встречалось не так уж много, но нужного не было. Вертолёт нагонял их один за другим, снижался и снова взмывал вверх.

«Неужели проскочил, не заметил?»

Стрельников стал тревожиться. По всем расчётам, вертолёт должен был давно нагнать машину, на которой уехали нарушители.

И вот впереди показался ещё один грузовик. Он шёл довольно быстро, притормаживая только на поворотах и помигивая малыми лампочками стоп-сигнала.

Стрельников снова повёл машину на снижение. Вертолёт стремительно пронёсся мимо грузовика, и капитан отчётливо увидел бортовой номер: 16-38.

В кузове грузовика испуганно заметались две мужские фигуры.

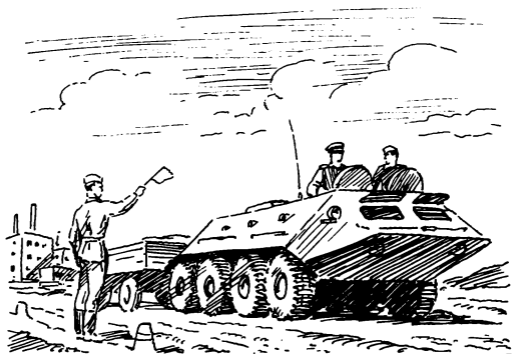
— Поздновато спохватились,— вслух сказал Стрельников и, сбросив газ, повёл машину на посадку.

Вертолёт прямо на асфальте загородил грузовику дорогу.

Через минуту нарушителей уже выдворяли из кузова, вежливо поддерживая под локотки.

Так закончился этот «рядовой», как говорят на заставе, вылет. Нужно, однако, быть далеко не рядовым пилотом, чтобы справиться с заданием в пургу, при шестибалльном ветре. Но такова уж работа пограничных лётчиков — уметь летать в любую погоду.

Аркадий Сахнин

ЭХО ВОЙНЫ

Ровно за три недели до сороковой годовщины Октября по Кировскому району Курска разнеслась весть: у железнодорожного переезда, близ ворот гипсового завода, кто-то заложил мину и снаряд. Об этом заговорили все сразу, будто новость передавалась не из уст в уста, а откуда-то сверху обрушилась на район.

Вездесущие и всезнающие мальчишки авторитетно утверждали, что найден не один, а десять снарядов, и даже не десять, а пятьдесят три. Перебивая друг друга, они рассказывали,

как в сторону завода одна за другой пронеслись зелёные машины военного коменданта Бугаева и полковника Диасамидзе, как вслед за ними промелькнули «Победы» секретаря райкома партии, председателя райисполкома, председателя горсовета.

На дорогах близ завода появились усиленные наряды милиции и комендантский патруль. Всякое движение через переезд было запрещено. К вечеру запретная зона расширилась: уже не разрешали ходить и ездить по одной из прилегающих к заводу улиц.

Руководители района видели, что надо успокоить население, но сделать этого не могли: нависшая опасность далеко превосходила даже фантазию мальчишек.

...В кабинете директора гипсового завода собралось человек пятнадцать. Здесь были партийные и советские работники, военный комендант города подполковник Бугаев, директора нескольких предприятий, прилегающих к заводу. На их тревожные вопросы полковник Диасамидзе отвечал: пока его люди не разведают, что и как спрятано под землёй, ничего сказать нельзя. Дав указание о первейших мерах предосторожности, он попросил всех оставить кабинет, который был расположен в двадцати метрах от опасного места.

Остались только полковник, военный комендант и ещё два военных специалиста. Они обсудили создавшееся положение, вызвали капи-

тана Горелика, старшего лейтенанта Поротикова и лейтенанта Иващенко. Разведка началась.

Вскоре вырисовался сильно вытянутый эллипс размером в шестьдесят квадратных метров. Мина — это всегда тайна. Как обезвредить мину, знает лишь тот, кто её ставил. Те, кто снимает, должны раньше разгадать, как она уложена.

Опасаться надо не только заминированного снаряда. Самое страшное то, что его окружает. К нему может быть протянута замаскированная проволочка. Чтобы обезвредить снаряд, надо перерезать её. Но случается, что именно от этого он и взлетает на воздух. Никто не знает, сколько существует способов минирования. Сколько минёров, столько способов. Впрочем, куда больше. Каждый минёр может придумать десятки способов закладки мин и снарядов.

Чтобы обезвредить мину, надо провести исследовательскую работу. Но это работа не в тиши научного кабинета или лаборатории, где главное достигается экспериментами. Здесь эксперименты недопустимы — они смертельны.

Миллиметр за миллиметром офицеры и трое солдат сняли сапёрными ножами верхний слой грунта с эллипса. Пересыпанные землёй, точно тюленьи спины из воды, показались десятки снарядов. Определили и глубину их залеганий. Теперь картина стала ясной.

...В декабре сорок второго года фашистский листок «Курские известия», выходящий в оккупированном городе, напечатал статью «Напрасная тревога», в которой оповестил, что «большевизм окончательно разбит и никогда Советская власть в Курск не вернётся». Крикливый и самоуверенный тон статьи выдавал подлинную тревогу гитлеровцев перед мощным наступлением Красной Армии. После потери Воронежа и Касторного гитлеровское командование намеревалось закрепиться в Курске. Сюда были стянуты крупные силы, подвезено огромное количество боеприпасов. Советские войска разгромили четвёртую танковую, восемьдесят вторую пехотную и добились остатков ещё четырёх дивизий, пришедших из-под Воронежа. Участь Курска была решена. Перед гитлеровцами встал вопрос: что делать со складами боеприпасов, где находилось более миллиона снарядов и пятнадцать тысяч авиационных бомб? Вывести их уже было поздно. Но и взорвать такое количество боеприпасов в короткий срок не представлялось возможным. Гитлеровцы решили подготовить грандиозной силы взрыв в таком месте, чтобы после их ухода он неминуемо вызвал новую серию взрывов там, где сосредоточены были снаряды. К работе приступили пиротехники, электрики, минёры.

Восьмого февраля 1943 года Красная Армия освободила Курск. Специальные команды под-

считали трофеи и вывезли куда положено миллион снарядов и пятнадцать тысяч бомб. Но то, что сделали немецкие специалисты, осталось тайной.

С тех пор прошло почти пятнадцать лет. В районе, где намечался взрыв, выросли новые предприятия, десятки корпусов рабочего посёлка, сотни домиков индивидуальных застройщиков.

А глубоко под землёй так и остались скрытые от глаз боеприпасы, тая в себе огромную разрушительную силу. Остались и механизмы, сделанные пиротехниками, электриками, минёрами.

Восемьдесят четыре кубометра снарядов и мин словно выгрузили в яму из самосвала. Но так могло показаться только в первую минуту.

Бронебойные, фугасные, осколочные, кумулятивные, бетонобойные снаряды и разнокалиберные мины были уложены опытной рукой, чтобы никто больше не мог к ним прикоснуться. Всё это не ровным штабелем, а как пирамида, выложенная из спичек: возьмёшь одну — посыплются все. Но это не спички, которые можно аккуратно брать двумя пальцами. Фугас двести третьего калибра весит сто двадцать два килограмма. Его длина — без малого метр. Как подступиться к такой глыбе?

Если стать плотно друг к другу, троим хватит места, чтобы уцепиться за снаряд. На каждого человека придётся больше двух с половиной пудов.

Но можно ли поднимать снаряд? Какая гарантия, что снизу к нему не припаяна проволочка? А то, что пирамида заминирована, сомнений ни у кого не вызывало. Что, например, делать с кумулятивным снарядом, или, как его ещё называют, бронепрожигающим? Он не даёт осколков. Он прожигает броню сильной струёй газа. Его тоненькая оболочка почти разложилась.

Глубокий след оставили на снарядах пятнадцать лет их подземной жизни. Металл изъеден, точно поражён страшной оспой, предохранительные колпачки проржавели и развалились. Проникшая внутрь влага вызвала химическую реакцию. Жёлтые, белые, зелёные следы окисления расползались по ржавой стали. Как и на чём держится вся эта смертельная масса, трудно понять.

И всё же она держится. А если пошевелить её? Какая гарантия, что на обнажённых взрывателях не появилась белая сыпь?

Белая сыпь. Это страшно. Её порождает гремучая ртуть, которой начинены взрыватели. При долгом и неправильном хранении она выделяет едва заметные кристаллики. Точно щепотка пудры, выбивается она наружу и прилипает к маленькой медной гильзе. Если про-

вести по ней человеческим волосом, произойдёт взрыв.

И снова собрались партийные и советские работники, директора предприятий, представители железной дороги. Молча выслушали они результаты разведки.

— Тщательная проверка установила ряд признаков чрезвычайной опасности для транспортировки,— говорил военный инженер.— Согласно действующим наставлениям наличие любого из этих признаков, хотя бы одного, категорически запрещает передвигать боеприпасы. Мы обязаны взорвать их на месте. Зона поражения при взрыве,— закончил он,— достигнет почти тридцати квадратных километров.

Общий вздох, как стон, вырвался из груди людей. Ошеломлённые, они ещё молчали, когда им было предложено подготовить план эвакуации оборудования и готовой продукции на предприятиях, расположенных в первой, наиболее опасной зоне.

Наступила глубокая тишина.

— Мне готовиться нечего,— тяжело поднялся наконец с места директор гипсового завода.— Завод будет снесён почти полностью, вместе со строящимся цехом сборного железобетона. А готовой продукции у нас нет. Колхозы трёх областей забирают сборные хозяйственные здания, которые мы делаем, как только они выходят из цехов.

— Собственно говоря, и мне нечего гото-

виться,— сказал главный инженер отделения дороги.— Судя по сообщению, которое мы услышали, в результате взрыва будет разрушен большой участок магистральной линии Москва — Ростов, вся южная горловина станции и повреждено более сорока станционных путей вместе с устройствами связи, сигнализации и автоблокировки...

Он умолк, как бы собираясь с мыслями, но тут заговорил председатель райсовета Нагорный:

— В названную зону поражения попадают все корпуса нового рабочего городка и примерно семьсот маленьких домов с общим населением около десяти тысяч человек... Что же вы, шутите, что ли! — неожиданно зло выкрикнул он, неизвестно к кому обращаясь, и резко отодвинул стул.

Расходились молча, хмуро, не глядя друг на друга, каждый занятый своими мыслями.

Не спросив разрешения, быстро покинул кабинет и капитан Горелик. Ушли все. Только один полковник Диасамидзе остался сидеть, грузно навалившись на стол. Его угнетало собственное бессилие. Ни совесть, ни закон не давали ему права приказать своим подчинённым разбирать эту грудку снарядов.

Чёткий, как команда, голос раздался за спиной:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник?

Он медленно и тяжело обернулся. Перед ним стояли капитан Горелик, старший лейтенант Поротиков и лейтенант Иващенко.

— Слушаю вас,— устало сказал он.

— Просим разрешить нам вывезти снаряды и взорвать их в безопасном месте,— доложил капитан.

В какое-то мгновение полковника переполнила радость и чувство гордости. Он не мог

скрыть улыбку. Это была чистая, отцовская, наивная радость.

От него требуется только одно: разрешение. Разрешить — и он избавится от этого назойливого вопроса: «Что делать?» Они стоят и ждут. Он должен позволить идти в эту яму, откуда можно и не вернуться. Должен разрешить этим троим, молодым и сильным, и их солдатам, ещё более молодым, рисковать жизнью в мирное время.

А заводы, дома, имущество мирного населения?

Нет, не легче стало полковнику от предложения офицеров.

Что толкает их идти на смертельный риск? Молодость, задор, лихость? Понимают ли, что им грозит? Как поведут себя, когда снимут начищенные и разглаженные кители? Откуда уверенность? Будет ли она, когда останутся один на один со смертью?

У Горелика и Поротикова — семьи. Не о детях ли подумают, приступая к снарядам?

— А вы хорошо понимаете, на что идёте? — после долгой паузы спросил полковник.

— Так точно, товарищ полковник! — отрапортовал Иващенко. — Мы обо всём подробно говорили. Если потребуется, мы готовы жертвовать жизнью.

Полковник грустно посмотрел на него:

— Этого очень мало, лейтенант.

Что же ещё можно требовать от человека, если он готов отдать свою жизнь?

— Понимаете, лейтенант Иващенко, этого очень мало — пожертвовать жизнью, — повторил свои слова Диасамидзе. Теперь тон его был не официальный, а дружеский, доверительный: — Если вы готовы во имя Родины жертвовать собой, это хорошо. Но готовы ли вы жертвовать другими? Может быть, десятками людей. Ведь если придётся делать взрыв на месте, ни один человек не погибнет. Можно вывезти оборудование предприятий, и ущерб будет не очень большой... Если же вы начнёте работать и произойдёт взрыв... Сами понимаете, что это значит.

— Так мы же не на смерть идём, товарищ полковник, — сказал капитан Горелик. — Ну к чему мне сейчас умирать? — улыбнулся он. — Мы с женой ждём ребёнка, к празднику получаем квартиру, еду на курсы, о которых давно мечтал. Вот и Поротиков получает комнату в новом доме... Нет, — заключил он решительно, — мы выполним задание.

Через час в кабинете председателя обрисполкома было принято решение: снаряды вывозить.

В середине дня капитан приказал собрать роту в Ленинской комнате. Он стоял на плацу и смотрел, как потянулись туда солдаты.

Что скажут они сейчас? Как поведут себя? Капитан подробно объяснил солдатам соз-

давшуюся обстановку. Он не сгушал красок, но и не скрывал опасности.

— Нам надо шесть человек,— закончил он.— Пойдут только те, кто добровольно изъявит желание.

Первым поднялся младший сержант Иван Махалов. Лицо у него было, как всегда, добродушное, на щеках ямочки, только немного удивлённое. «Раз надо, сделаем, о чём разговор»,— казалось, выражал его взгляд.

Вторым встал Дмитрий Маргишвили, а дальше уже ничего нельзя было разобрать, потому что поднялась вся рота.

— На выполнение специального задания,— сказал капитан, отчеканивая каждое слово,— назначаются следующие товарищи: старшина Тюрин Михаил Павлович, сержант Голубенко Василий Иванович, младший сержант Махалов Иван Аркадьевич, рядовой Хакимов Камил, рядовой Маргишвили Дмитрий Иванович, рядовой Урушадзе Гурам Сарапионович. Названным товарищам остаться, остальным разойтись!

Через несколько минут прибыла ещё одна группа воинов-добровольцев, выделенных в распоряжение капитана из других рот. Это были: специалист по взрывам электрическим способом лейтенант Селиванов, лучший водитель бронетранспортёра рядовой Солодовников, радисты-отличники Чекрыгин и Бочаров.

...Старшина Тюрин поднял группу в пять тридцать.

Вся казарма спала. Только этим и отличался сегодняшний подъём от остальных. Так же, как всегда, тщательно заправляли койки, так же быстро умывались и ели ту же нехитрую солдатскую пищу,— и всё же что-то особенное было в начавшемся дне.

Построились во дворе, на краю огромного учебного плаца. Хмуро. Туманно. Зябко. Капитан сказал последние напутственные слова. Он ещё раз напомнил об осторожности. Он говорил о воинском долге, о присяге, о боевых традициях части.

Капитан не отличался красноречием, и всё, что он сейчас сказал, Иван Махалов слышал не один раз. Но странное дело, сегодня эти знакомые слова приобрели какой-то особый смысл.

Если разобраться, то Иван был не очень доволен своей боевой судьбой: учёба, строевая, караульная служба, а если нет провинившихся, то и очередные наряды на кухне. Сиди и чисти картошку! И, будто растравляя его душу, как нарочно, одна за другой шли беседы о боях, проведённых частью, куда он пришёл служить.

Здесь, на плацу, где стоял теперь Иван Махалов, он принимал присягу под боевым, простреленным знаменем. За два года службы он стал мастером своего дела. Во всей обстановке плаца, такой знакомой и привычной, было сегодня что-то новое, неизведанное.

Когда прибыли в город, туман уже рассеялся. Стоял хороший осенний день. Чем

ближе подъезжали к Кировскому району, тем больше попадалось встречного транспорта и пешеходов. Только один бронетранспортёр двигался в направлении к станции. Километра за два до предстоящего места работы машина уже с трудом пробиралась сквозь густую толпу.

Трамваи и автобусы были переполнены. Десять тысяч жителей покидали свои дома. Свёртки, сумочки, корзинки, чемоданчики, а у некоторых даже узлы... Но большинство идёт с пустыми руками.

Люди идут спокойно, без паники, глубоко веря, что всё окончится благополучно.

Идёт бронированная машина, и люди оставаясь, с интересом и уважением смотрят на солдат, машут руками, что-то кричат. Иван думает: надо бы в ответ помахать рукой, смотрит на своих товарищей, но лица у них серьёзные, строгие, ответственные. Иван только сейчас обращает внимание на то, что и сам он сидит, словно аршин проглотил. Нет, это не специально он так напыжился. Такое у него состояние, будто только сейчас почувствовал всю страшную ответственность, какая на него ложится.

Медленно движется бронетранспортёр. Его догоняют несколько грузовиков с милицией и солдатами. Это оцепление. Пятьсот шестьдесят человек с красными флажками оградят опасную зону во время работы. Откуда-то появляются пожарные и санитарные фургоны. Они

идут на заранее отведённые для них посты.

По закону с взрывоопасными предметами может работать только один человек. Но сейчас это немыслимо: дело затянулось бы на много дней. Над ямой склонились два офицера и три солдата. Работа началась. Тончайшая ювелирная работа над огромной массой земли, над глыбами стали, чугуна, меди, над тоннами взрывчатки и сотнями оголённых взрывателей.

Глядя на приготовленный инструмент, можно было подумать, что здесь собирается самая младшая группа детского сада. Крошечные совочки, тяпочки, крючки, лопатки составляли главные орудия труда воинов.

Сейчас самый страшный враг — земля. Снят только самый верхний слой. Она под снарядами, она спрессована и зажата между ними, она налипла на взрыватели, и неизвестно, что в ней спрятано. Надо очистить землю, не касаясь металла, надо нащупать, что внутри.

У каждого своя граница, чётко обозначенная полость, которую предстоит вскрыть. Едва ли всякий хирург, производя сложную операцию, работает столь трепетно, с таким напряжением воли, нервов, всех своих сил, как пришлось действовать сейчас воинам. Работали молча, сосредоточенно. И вот уже снята, очищена, сдута каждая крошка земли со всего эллипса площадью в шестьдесят квадратных метров. Стало видно, какой снаряд брать первым. Солдаты уже подошли к нему.

— Отставить! — предостерегающе поднял руку капитан. — Каждому ясно, что из всей пирамиды сейчас можно брать только этот снаряд, — сказал он. — На это мог и рассчитывать враг. Действовать только по команде. Ни одного самовольного движения.

У 203-миллиметрового фугаса, лицом к нему, становятся Иван Махалов, Дмитрий Маргисвили, Камил Хакимов.

— Приготовиться!.. Взяться!.. Приподнять! — звучат команды.

Такой тяжёлый груз хорошо бы приподнять рывком. Но это категорически запрещено. Его надо не оторвать, а отделить от земли, как отделяют тампон от раны. И приподнять только на один сантиметр. Таков приказ.

Лёжа на земле, капитан и старший лейтенант Поротиков с противоположных сторон смотрят, не тянется ли к снаряду проволока. Они очищают землю снизу.

— Поднять! — раздаётся новая команда.

Три солдата, три спортсмена-разрядника, тесно прижавшись друг к другу, движутся, как один механизм. Нельзя качнуться, нельзя оступить, нельзя перехватить руку. Плыёт снаряд весом более семи с половиной пудов. Его шероховатое, с острыми выступами, изъеденное ржавчиной тело впивается в ладони. Это хорошо: он может содрать кожу, но не выскользнет.

К огромному, с открытым бортом прицепу,

на одну треть заполненному песком, ведёт помост — земляная насыпь. Медленно над ней плывёт снаряд.

И вот уже все трое ступили на прицеп. Ноги вязнут в песке. Впереди для ноши приготовлена выемка — «постель». Снаряд опускают туда бережно, нежно, будто кладут в постель ребёнка.

...Шестнадцать снарядов откопали, перенесли и уложили, не сделав ни минутного перерыва. Носили все пятеро. После такой тяжёлой работы руки немного дрожат.

А теперь надо снова очищать землю. Надо, чтобы руки не дрожали. И уже не за рукоятки, а за лезвия сапёрных ножей берутся люди. Берутся так, чтобы жало выступало между пальцами как безопасная бритва из станочка. И вдруг высоко над головой вспыхивает огромная красная лампа. В ту же секунду сильный и резкий звонок, как на железнодорожном переезде: поезд. И в подтверждение голос в эфире:

«В поле зрения поезд Москва — Тбилиси. Прекратите работу».

— А-а, чёрт его несёт! — в сердцах бросает капитан.

— Это за мной подали, — тихо говорит Маргишвили. — Мне в Тбилиси пора.

Шутку слышат все, и все улыбаются.

...Спустя несколько минут лампа погасла, умолк звонок. По радию сообщили, что можно продолжать работу.

Иван Махалов счищает землю. Вот он сбрил тоненький слой и протянул нож, чтобы снова пройтись по этому же месту, и вдруг резко отдернул руку. На сердце будто растаяла мятная конфета — сердце обдало щемящим холодком. Это был не страх. Страшно, наверное, бывает под пулями. Было жутко. Под слоем земли, которую он собирался снять, будто вздулась тоненькая, как кровеносный сосуд, жилка.

Она шла от взрывателя снаряда и исчезала где-то между другими болванками. Сердце обдало холодком в то мгновение, когда он понял, что это не жилка, а проволочка такого же цвета, как земля.

— Что случилось? — спросил Поротиков, обратив внимание на застывшего солдата.

Махалов молча показал рукой на жилку.

— Все в укрытие! — скомандовал старший лейтенант.

Поротиков внимательно осмотрел изъеденную временем проволоку. Местами сохранилась изоляция, сгнившая, мягкая, как глина. Местами видны тоненькие оголённые нити.

Старший лейтенант берёт узкий обоюдоострый нож, вернее что-то среднее между ножом и шилом. Начинается в самом полном смысле слова гравёрная работа.

Оказалось, что проволочка укреплена к колечку чеки, вставленной во взрыватель. Чека диаметром не больше двух миллиметров сделана, видимо, из особого сплава. Железная давно бы превратилась в труху. Но эта проржавела так, что и не поймёшь, на чём держится. Кажется, предусмотрели всё, а вот лупу не взяли. Как бы хорошо сейчас посмотреть на минное устройство через увеличительное стекло! Но разве можно было додуматься, что, разбирая десятки кубометров снарядов из земли, потребуется лупа?

Будь это новая установка, чеку легко при-

держат рукой, чтобы не выскочила, и перерезать проволоку. Но сейчас к чеке прикасаться нельзя. Кажется, что она может переломиться от ветра. Тогда ничем не удерживаемая больше пружина разожмётся, острый стержень ударит в капсюль. Взорвётся весь склад.

Запыхавшись, прибежал капитан.

— Да-а,— протянул он, посмотрев на чеку.— А ведь в снарядах такого калибра чеки не бывает. Специально сделали.

Решили искать, куда ведёт второй конец шнура. Теперь за шило-нож взялся капитан. Он освободил от земли сантиметров сорок проволоки, когда показался второй конец. Видимо, шнур был закреплён за другой снаряд и просто перегнил в этом месте. Расчёт врага стал ясен. За какой из двух снарядов ни возьмись, чека выскочит.

Одну за другой переламывает капитан тонкие нити проволоки у взрывателя. Кусачками этого делать нельзя — пальцы чувствительней.

— Ну что ж, всё? — говорит капитан.

— Похоже, что так,— отвечает старший лейтенант.

...В кузов уложили снаряды. Выехал из укрытия на своём бронетранспортёре Солодовников. Теперь всё зависит от него.

Командир роты садится рядом с водителем. Вздывается вверх красная ракета. Первый рейс начался.

— Трогайтесь так,— говорит капитан водителю Николаю Солодовникову,— будто прицеп до краёв наполнен молоком. Хоть капля разольётся — взрыв.

Медленно идёт бронированная машина. Тихо и пусто вокруг. Не слышно обычного грохота гипсового завода, затихла шпагатная фабрика, не дымят трубы завода передвижных агрегатов, умолкли паровозы и рожки стрелочников.

Миновав железнодорожный переезд и поворот, машина выехала на опустевшую улицу. Запертые калитки, закрытые ставни окон, ни одного дымка над домом. Ни собаки, ни кошки. Даже птицы не летают, словно почуяв опасность. Мёртвый город.

...На вершине песчаного карьера стоят четверо: лейтенант Иващенко, старшина Тюрин, сержант Голубенко и рядовой Урушадзе. Они молча смотрят на пустынную дорогу. Они смотрят в одну точку, где исчезает за поворотом ленточка асфальта. Здесь должен показаться бронетранспортёр.

К приёму снарядов подготовлено всё. Вырыты две ямы. Могилы для снарядов. Далеко в стороне, в специальной нише, упрятаны капсулы-детонаторы. Отдельно хранятся шашки. От ямы тянутся длинные провода к электрической машинке, установленной в укрытии. Лейтенант Селиванов ещё раз осматривает своё «хозяйство». Рядом радист. Уже дважды

запрашивал его штаб, не показался ли бронетранспортёр. Но на дороге по-прежнему пусто.

И вдруг лейтенант Иващенко срывается с места, бежит к рации...

— Резец-два, резец-два! — докладывает лейтенант Иващенко.— На повороте шоссе дороги в двух километрах от меня показался бронетранспортёр с прицепом.

— Вас понял,— отвечает полковник Сныков.— Докладывайте о ходе работ. При любых, даже малейших сомнениях или трудностях сообщайте немедленно. Без разрешения взрыва не производить.

Медленно заходит в карьер бронетранспортёр. Глубоко в сухой песок зарываются колёса, но движутся с постоянной, одинаковой скоростью. Натужно ревёт мотор. Впереди то идёт, то бежит, пятясь спиной, Иващенко, укаывая дорогу. Капитан стоит на подножке.

Карьер сильно разработан, весь в песчаных холмах. Подъехать близко к ямам рискованно. Надо максимально приблизиться к ним.

— Стоп! — кричит Иващенко, размахивая рукой.— Всё!

Начинается разгрузка. Как и там, у подземного склада, работают пятеро. Как и там, сильные солдатские руки бережно, нежно берутся за ржавые болванки. Сейчас они особенно опасны: в дороге растряслись, кто знает, что делается внутри взрывателей.

Чтобы быстрее освободить прицеп для следующего рейса, снаряды кладут пока тут же, в один длинный ряд.

Капитана срочно вызывают к радию.

— Докладывает старший лейтенант Поротиков,— слышит он голос в наушниках.— Обнаружена вторая установка на минирование. По всем признакам — электрический способ.

— До моего возвращения к снарядам не подходить.

И капитан, уже сидя в машине, торопит Солодовникова: гони вовсю.

Иващенко, Тюрин, Голубенко и Урушадзе берутся за снаряды. Нести далеко. Тяжело вязнут в песке ноги. Но снаряд плывёт без толчков, без малейшего сотрясения, как лодка на тихом, спокойном озере. Один за другим плывут снаряды и ложатся в яму по точно определённом порядку. Это последний их путь. Вот уже уложены все тяжёлые болванки. Остался маленький кумулятивный снаряд. К нему наклонился Иващенко и инстинктивно качнулся в сторону. Снаряд издал треск. Будто согнули ржавую полосу железа или коснулись друг друга оголённые провода под током.

Треск снаряда страшен. Бывает, торчат из земли три короткие проволочки, расходящиеся лепестками. В траве их не увидишь. Но заденешь — раздастся треск. И остаться невредимым уже невыносимо. Три-четыре секунды будет слышен треск, потом выскочит цилиндр

из земли и на высоте метра метнёт в стороны более трёхсот стальных шариков.

Но ведь здесь нет трёх лепестков. Схватив горсть мокрого песка, Иващенко положил его на оголённое место снаряда, потом сверху насыпал лопату сырого песка. Он решил, что снаряд успел нагреться даже на осеннем солнце и началась реакция. Чтобы прекратить ее, надо охладить снаряд.

Все прячутся в укрытие. Выждав необходимое время, лейтенант выходит. Особенно бережно поднимает он опасный снаряд и несёт в яму. Потом укладывает шашки так, чтобы взрыв ушёл в землю. И вот наконец всё готово.

Из укрытия появляется лейтенант Селиванов. Он соединяет короткий шнур от шашки с проводами электрической машинки. Последний внимательный взгляд на всю местность вокруг. Оба лейтенанта удаляются в укрытие.

Содрогнулась земля. Первая партия снарядов уничтожена.

...Капитан подъехал к гипсовому заводу. Полковники Диасамидзе и Сныков уже стояли, склонившись над ямой. Поединок продолжался.

Что думал враг? Куда тянутся провода? Где источник тока?

И снова тонкий и точный расчёт врага был раскрыт.

И снова началась «хирургическая» работа над минной установкой, куда более сложной,

чем первая. И снова сильные, умные, золотые солдатские руки извлекали смертельные про-
вода. И снова грузили стальные глыбы, и снова
ползла бронированная машина по опустевшим,
немым улицам.

Дрожала земля от взрывов. Первый, второй,
третий, четвёртый, пятый... пока не взвился в
воздух, точно салют победы, зелёный сноп
ракет.

— Всё!..

С огромной скоростью пронеслась на радиоузел машина председателя райсовета Нагорного.

Нагорный сам бросается к микрофону:

«Граждане! Исполнительный комитет депутатов трудящихся Кировского района извещает, что все работы по вывозке снарядов закончены. С этой минуты в районе возобновляется нормальная жизнь».

Радость переполняла его. Ему хотелось сказать ещё что-нибудь, но всё уже было сказано, и он растерянно и молча стоял у микрофона.

И вдруг, вспомнив, как это делают дикторы, он медленно произнёс.

«Повторя-аю!..»

И опять умолк, то ли забыв только что сказанное, то ли слова эти показались ему сухими, казёнными.

И неожиданно для себя почти выкрикнул:

«Товарищи, дорогие товарищи, опасность миновала, спокойно идите домой...»

В ту минуту, когда произносились эти слова, уже хлынул народ к обессиленным, счастливым солдатам.

Солдат качали, летели вверх кепки, козынки. Крики «ура» смешались с возгласами восторга и благодарности. Вконец смущённых солдат обнимали и целовали, а они тоже благодарили, искренне не понимая, за что такие почести.

Василий Песков

СОЛДАТСКАЯ МЕДАЛЬ КОСМОНАВТА

— Какой же он космонавт! Он на космонавта и не похож.

— Космонавт! Точно тебе говорю.

Это разговор двух девушек, наблюдавших за игрой в теннис на корте космодромного городка.

Я бы тоже за космонавта его не принял.

За столом около спортивной площадки сидел человек совсем не гагаринского возраста.

Спортивный костюм, обут в кеды, энергичные черты лица, седина в волосах. Да, конечно,

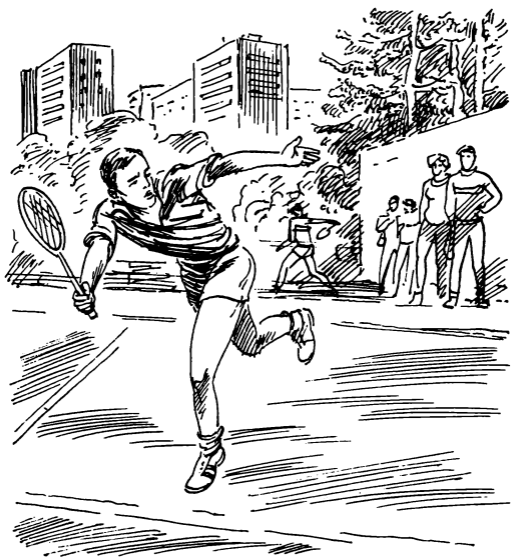
он скорее похож на спортивного тренера, чем на привычного нам космонавта. На коленях у меня лежала бумажка: «Феоктистов Константин Петрович. 38 лет. Родился в Воронеже. Русский. Беспартийный. Окончил Высшее техническое училище имени Баумана. Кандидат наук. Читает по-английски. Имеет медаль за войну и два трудовых ордена, полученных совсем недавно». Далее характеристика: широко эрудирован в технических вопросах и является хорошим специалистом в своей работе... Руководил разработкой важных научно-исследовательских тем. Увлекается философией и кибернетикой... В этом году прошёл медицинское обследование, испытание на центрифуге и в термокамере, изучил методику ведения научного эксперимента в полёте. Вот и всё, что мог сказать о человеке листок бумаги.

— Мало? — Человек положил руки на стол и дружески улыбнулся.— Ну хорошо, атакуйте. Я приготовился.

Разговор продолжался около часа. Я привожу его таким, каким был этот разговор за двое суток до старта,— вопросы и ответы.

— Я тоже из Воронежа. Вопрос земляка: вы помните этот город, связаны с ним сейчас?

— Да, в этом городе я родился и жил до шестнадцати лет. Конечно, многое не забылось и не забудется. Друзья детства. Проспект. Бронзовый Пётр. Зелёные парки, зелёный район сельскохозяйственного института. Лысая

гора под Воронежем. Недавно, кажется в Третьяковке, увидел картину «На родных просторах». Остановился — страшно знакомый пейзаж. Навёл справки. Воронежский художник! Написана картина с Лысой горы. Как раз в этом месте, над речкой, я костры разводил. Последняя поездка в город была печальной — хоронил друга...

— У вас медаль за войну?

— Медаль тоже напоминает о городе. В со-

рок втором подошли гитлеровцы. Я ушёл в боевой отряд мальчишкой-разведчиком. Раз десять переходил линию фронта. Получил под Воронежем рану.

— Два слова о родителях...

— Мать умерла. Отец, в прошлом бухгалтер, теперь на пенсии.

— Ваш путь в науку. Давно ли сделали выбор профессии?

— Давно. В детстве я прочитал несколько популярных книжек по энергетике. С тех пор и началась любовь к технике. Первые опыты, эксперименты делал в Воронежском дворце пионеров.

— Мы не первый раз видим вас на космодроме. Объясните ваши прежние поездки сюда.

— Я участвовал в запуске первого спутника. С коллективом учёных и инженеров участвовал в подготовке полёта Гагарина, Титова, Николаева...

— Всех космонавтов?

— Да.

— Ваше решение «летать самому» пришло неожиданно?

— Нет, очень давно. Я знал, что вслед за космонавтами-пионерами, космонавтами-профессионалами обязательно полетят учёные. Я очень хотел быть среди них. Несколько раз просил о себе...

— Вас не смущали требования врачей к космонавту?

— Поначалу многое было неясным и неизвестным. Действовать надо было с большим запасом осторожности. Но в прошлом году всем стало ясно: космос — место работы не только для избранных. Хотя, разумеется, это не прогулки по саду.

— Вы, наверно, хороший спортсмен, если сравнительно быстро сумели подготовить себя к полёту.

— Должен сознаться: регулярно спортом не занимался, не хватало времени. Знаю, что это плохо, но так уж получилось. Изредка удаётся выкраивать время для лыж и охоты.

— Вы считаете, что здоровья рядового человека достаточно для полёта?

— Как видите, я не Геркулес, но я убеждён: в космос может лететь всякий здоровый человек. Правда, надо делать различие между профессиональным космонавтом и, например, учёным, так же как мы различаем в самолёте пассажира и лётчика.

— Что вас как человека науки более всего интересует в этом полёте?

— Надо решить много задач, связанных с наблюдением звёзд и Земли как планеты. Всё это важно для построения астронавигационных систем. Меня интересуют оптические характеристики земной атмосферы, полярные сияния, возможности космической навигации.

— Ваши представления о счастье?

— По-моему, счастье — это без ошибки вы-

брать путь в жизни. Счастье — если человек упорно стремится к цели и, перешагнув трудности, достигает её. Счастье — это работа, радостная для тебя и полезная людям.

— Ваше любимое занятие в свободное время?

— Вся беда в том, что свободного времени до сих пор было до обидного мало.

— Мы слышали, вас зовут одержимым. Обижает или льстит вам такая характеристика?

— Одержимость в деле я всегда уважал в людях.

Наша беседа могла бы продолжаться, но подошёл руководитель физической подготовки и, улыбнувшись, сказал одно слово: режим. Мы пожелали учёному успешной работы.

А через день был старт. Около ракеты стояли десятка четыре людей и поглядывали на часы, ожидали автобуса. Из автобуса вышли трое, одетые в синие стёганые куртки из нейлона и брюки из той же материи. На Феоктистове были летние светлые полуботинки... Всё это ещё больше подчёркивало и необычность полёта, и какое-то новое качество людей, идущих по бетону к ракете.

Я не заметил какого-либо волнения на лицах космонавтов. попрощавшись со всеми, они пошли неторопливо, переговариваясь. Я вспомнил предыдущие старты и отметил некоторое угасание торжественности момента. Люди шли

на работу. И походка, и одежда, и слова, сказанные на прощание,— всё было гораздо проще, чем в предыдущие старты.

Феоктистов вошёл в корабль вторым. Его место было на среднем кресле.

А потом отсчёт времени и старт. Зрелище подъёма ракеты будет поражать воображение, сколько бы раз человек ни видел его. В эту минуту человек чувствует себя маленьким, придавленный грохотом и ослеплённый огнём и сознанием происходящего. Человек чувствует себя и великаном, потому что это рука Человека десять секунд назад зажгла под ракетой солнце, это Человек поселил силищу в эту машину, это Человек находится на верху ракеты.

На космодроме много поэтов. Перед стартом даже немолодой генерал показал мне листок со стихами. Несомненно, старты ракет пробуждают в людях поэтическое воображение — обычными словами рассказать об этом моменте просто невозможно. И конечно, в этот момент все думают о людях, которые через несколько минут будут далеко от Земли.

Не сверхчеловеки садятся в корабль, но большое мужество у людей должно быть непременно. Есть доля риска при всяком полёте. Медики, обсуждая проблемы отбора людей в космонавты, говорят сейчас не столько о перегрузках физических, сколько о перегрузках человеческой психики. К ответственному моменту старта мало подготовки на центрифугах

и спортивных площадках. Всей жизнью человек готовился к этому испытанию. Может быть, когда-нибудь в детстве преодоленный страх съехать с горы на лыжах был началом мужества в человеке.

Поколение сорокалетних людей прививку мужества получило в солдатских окопах, в разведках, в атаках, под бомбёжками и в полевых лазаретах. На космодроме все знали, что Феоктистов был солдатом, и, может быть, поэтому не

удивлялись его спокойствию в минуты, когда всякому смертному волнение было прощительно. Но никто не подозревал даже, что на войне шестнадцатилетний солдат Феоктистов пережил момент драматический. По человеческой скромности сам он в разговоре до старта не рассказал об этом случае. Уже после приземления, когда на космодром пришли газеты, я с волнением и тревогой прочёл сообщение из Воронежа. Не напутал ли корреспондент? Заметка называлась «Его расстреливали фашисты». «...Он был разведчиком и несколько раз переходил линию фронта. Однажды недалеко от реки, на улице Сакко и Ванцетти, фашисты его схватили. Расправа была короткой. Его расстреляли во дворе полуразрушенного дома...»

С газетой я побежал на теннисный корт, где космонавты проводили час после обеда. Феоктистов прочёл газету:

— Да, так и было.— Спокойно, как будто речь шла об игре в теннис, он рассказал: — Это был десятый переход линии фронта. Я попытался бежать. Немец выстрелил прямо в упор. Очнулся я в яме с другими расстрелянными. Пуля ударила в челюсть и вышла тут.— Он показал пальцем.— Вот метка.

— Что же вы об этом до старта не рассказали?

Усмехнулся:

— Мало ли на войне чего было...

Такой характер у человека. Теперь учёный Константин Феоктистов получил высокие человеческие почести и самые высокие награды страны. Среди них есть и простая, чуть позеленевшая от времени солдатская медаль за войну. Это не самая маленькая награда из наших наград...

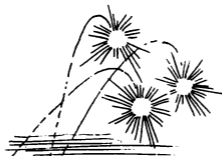
Он, стоящий девятым в нашем ряду космонавтов, носит штатский костюм. Его предшественники носят погоны. Нет ничего неожиданного в том, что именно вчерашние лётчики-истребители пошли на разведку неведомого мира — космоса. Для такой разведки нужны были люди смелые, здоровьем крепкие, хорошо обученные, готовые на подвиг.

И они совершили этот подвиг. И сколько б люди ни жили под солнцем, они всегда будут помнить имена первых разведчиков космоса. Называя их, наши потомки вспомнят середину XX века, вспомнят страну, где выросли первые герои космоса, вспомнят, что были они комсомольцами и коммунистами, что были они советскими солдатами...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Баруздин.</i> Шёл по улице солдат . . .	3
<i>Ю. Коваль.</i> Алый	23
<i>Б. Никольский.</i> Солдатский секрет . . .	50
<i>Б. Никольский.</i> Препятствие	56
<i>Ю. Нагибин.</i> В бескрайнем небе	61
<i>С. Иванов.</i> Подводная повесть	72
<i>В. Карпов.</i> Солдатская красота	101
<i>Р. Погодин.</i> Трактор	113
<i>Ю. Качаев.</i> В воздухе — перехватчик . .	120
<i>А. Сахнин.</i> Эхо войны	124
<i>В. Песков.</i> Солдатская медаль космо- навта	150

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

СОЛДАТСКИЙ СЕКРЕТ

Рассказы

Редактор *С. В. Орлеанская.* Художественный редактор *Л. Д. Бирюков.* Технический редактор *И. П. Савенкова.* Корректоры *Л. А. Лазарева, Т. А. Нарышкина*

ИБ № 11048

Сдано в набор 10.02.89. Подписано к печати 12.06.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт баскервиль. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 9,66. Уч.-изд. л. 5,51. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1533. Цена 55 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

